

18+

Игорь Ягупов

*Обманувший
дьявола*

A dark silhouette of a person wearing a suit, standing with their back to the viewer. The background is a deep red with a smoky, ethereal texture. The overall mood is mysterious and ominous.

Игорь Ягупов

Обманувший дьявола

«Издательские решения»

Ягупов И.

Обманувший дьявола / И. Ягупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935716-8

Пров проиграл свою душу дьяволу. Он убивал, но избегал наказания. Он полторы сотни лет бродит по свету, не зная покоя. Кто остановит его? Роман написан в жанре мистической прозы.

ISBN 978-5-44-935716-8

© Ягупов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Обманувший дьявола

Игорь Ягулов

Фотограф Meshau Elti

© Игорь Ягулов, 2018

© Meshau Elti, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-5716-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Босая женщина в одной рубаше и накинутой на плечи шали, словно безумная, выбежала из избы и бросилась через огороды. Ее ноги то и дело оскальзывались на размокшем месиве весеннего подтаявшего снега. Но она не обращала на это никакого внимания. И лишь время от времени вскидывала руки, чтобы сохранить равновесие. В эти мгновения она была похожа на израненную птицу, которая хочет взлететь, но никак не может оторваться от земли.

Волосы женщины были растрепаны. А голубые прежде глаза теперь казались черными из-за расширившихся от ужаса зрачков. Разом осунувшееся молодое лицо исказило невыразимое страдание. В нем не было боли – лишь неизбежность, с которой нельзя примириться и от которой надо бежать не разбирая дороги. В очередной раз взмахнув руками, чтобы удержаться на раскисшей снежной жиже, женщина неизменно поправляла затем на плечах шаль, как будто из последних сил старалась сохранить свое тепло. Запахнув шаль плотнее, она бросила по сторонам тоскливый взгляд и спешила дальше.

Где-то сзади, невероятно далеко, как будто в другом мире, который она внутренне уже оставила навсегда, скрипнула дверь избы. На пороге, в зияющем черном проеме появились заспанные личики двух детей – девочки и мальчика.

– Мама, мама! Куда ты? Вернись! Мама! – кричали дети.

Ветер срывал их тоненькие голоски и словно отгонял прочь от той, кому предназначались эти мольбы. И все же женщина слышала их. Она споткнулась на бегу, как будто кто-то с силой толкнул ее в спину, и повалилась вперед, опершись руками о талый снег. Воспользовавшись этой неожиданной паузой, чтобы перевести дыхание, она сделала несколько глубоких, точно рваных вдохов. Приложив к пылающему лицу мокрые от снега холодные ладони, женщина, сидя на земле, обернулась. Она все еще хватала ртом воздух, не имея сил справиться с отчаянно бившимся в ее груди сердцем. Губы ее почти беззвучно шептали:

– Любонька, Ванечка, деточки мои...

На лице женщины появилась слабая улыбка. Она с мольбой протянула руки в сторону избы. И глаза ее при этом приобрели некую осмысленность. Казалось, что она вот-вот бросится обратно, чтобы обнять детей, прижать их к себе и успокоить. Но жестокий ветер тут же швырнул ей в лицо острые кристаллики снега. Женщина вздрогнула и тихо застонала, словно кто-то отпустил ей пощечину. Махнув детям обеими руками, она вновь поднялась на ноги и бросилась бежать дальше.

– Позор, мне не снести его, не снести, – шептала она, качая головой.

И она бежала дальше, пытаясь хоть как-то сохранить сорванное дыхание и не упасть в грязное месиво лицом. Если бы она упала сейчас, то уже не смогла бы подняться. Она чувствовала это. И что-то внутри нее словно говорило ей: «Упади. Упади. Да падай же. Заройся лицом в холодную снежную кашу. Остуди его. Дай отдых ногам. Подумай. Все образумится. Живут же люди и в холопах...» Но что-то другое тут же кололо ее, как иголкой, под сердце. И без всяких слов ей было понятно, что она не сможет переступить через себя. Никогда и ни за что не сможет.

Детей невыносимо жалко. Что теперь с ними будет? Но она гнала от себя эти невнятные мысли, не давая им оформиться в осознанные слова. Все, что было у нее в жизни, осталось позади, далеко отсюда. Где-то там, за тем пригорком, который уже скрыл от нее избы с черным, как ощерившийся беззубый рот, дверным проемом, в котором виднелись бледные испуганные детские личики.

Огороды плавно спускались к реке. Здесь зима все еще удерживала свою власть. И перепаханную с осени землю покрывал ледяной наст. Скользя на заледенелом склоне и стараясь при этом удержаться на ногах, женщина бросилась к реке. Берег приближался, качаясь перед

ее глазами в такт неровному бегу. Изрезанные в кровь острыми кромками наста босые ноги отказывались ей подчиняться. Еще мгновение, и она упадет. И больше уже не встанет. Примет свой позор, который...

– Его нельзя вынести, – решительно сама себе в очередной раз прошептала женщина, – нельзя.

И эти слова, как магическое заклинание, придали ей силы, заставили рассеяться поплывшие уже перед глазами радужные круги, которые застлали собой весь горизонт. Она вновь отчетливо увидела свою цель – огромную, длинную и извилистую, как язык сказочного змея, полынью. Она образовалась на середине реки, на самой стремнине. Всю зиму водяной поток стремился вырваться здесь наружу, чтобы вздохнуть свободно могучей грудью. Но мороз своей жестокой волей сковывал непробиваемым панцирем, стягивал, точно путами, оба берега. И вот сейчас, когда весна уже явно заявила о себе, река порвала оковы и освободила свой бег.

Сюда, к этой разверстой водной бездне и спешила женщина. Она все еще зябко куталась в свою шаль. Зачем? Неужели тому, кто хочет броситься в ледяную свинцовую воду, нужно бояться холода? Задай ей кто эти вопросы, она бы наверняка не смогла на них ответить. Полынья плясала перед ее глазами, как будто звала к себе.

Женщина выбежала с берега на лед реки. Она на миг остановилась и молитвенно заломила руки, как будто прося небеса простить ей грех, который должен был свершиться через несколько мгновений. А затем, не раздумывая больше и не замедляя уже своего бега, бросилась вперед, к полынье. Ветер пригоршнями швырял ей в лицо снежную крупу, точно испытывая ее решимость. Но она не обращала на это никакого внимания. Она внутренне уже порвала все связи с этим миром, который так больно мстил ей до последних мгновений ее жизни.

– Позор, позор, мне не снести его, – повторяла она снова и снова пересохшими от быстрого бега и посиневшими от холода губами.

Она не добежала до полыньи саженей пять или шесть, когда подточенный снизу весенней силой воды лед не выдержал ее тяжести и проломился. И она вмиг, как-то грузно для ее хрупкого тела, ушла под воду по самые плечи. Ее шаль, набрав под себя воздух, вздулась у нее за спиной. Женщина инстинктивно забила по воде руками. Она даже дотянулась до ледяной кромки. Но та коварно обломилась, как только женщина попыталась, подтянувшись, навалиться на нее грудью.

Женщина вновь тоскливо подняла безумный взгляд к небу. Как будто извинялась за то, что в последний момент испугалась и, добившись того, к чему сама же стремилась наперекор ветру, колючему снегу и крикам детей, вдруг решила отступить, выбраться на ледяную гладь, отползти от опасного пролома обратно к берегу.

Но она вновь овладела собой. Властно приказала себе действовать, как задумала. Вернее, бездействовать. Ибо отныне ее желание оборвать свою жизнь требовало от нее лишь одного – безропотного ожидания, непротивления темной силе свинцовой речной воды. Она прижала руки к груди, чтобы не дать инстинкту самосохранения возобладать над ее волей. Она не будет жить с тем позором, который на нее обрушился. Это все равно была бы не жизнь. Так лучше умереть сейчас.

Вода полностью накрыла ее. Потом лицо ее на какое-то мгновение вновь показалось над поверхностью. Уже у самого края того пролома во льду с рваными краями, который образовался от ее падения. Но течение тут же толкнуло ее тело дальше, под ледяной панцирь. И она ушла под воду уже окончательно. И только шаль ее какое-то время, пока не пропиталась водой и не отяжелела, еще плавала на поверхности полыньи.

Глава 2

Дверь чуть слышно скрипнула. Андрей даже не услышал, а почувствовал этот звук. Он приподнял голову с подушки. Чтобы увидеть того, кто вошел в спальню, ему пришлось перевернуться на другой бок.

– Бабушка? Заходи, заходи, я уже проснулся, – почти обрадовался он и тут же поспешно добавил: – Нет, нет, это не ты меня разбудила. Вовсе нет. Я уже не спал, когда ты вошла.

Бабушка бесшумно подошла к дивану, служившему ему кроватью, и присела на самый краешек у его ног. Ее покрытое морщинками и столь знакомое ему лицо было полно беспокойства. Поначалу Андрей почему-то решил, что бабушка тревожится о нем.

– У меня все хорошо, бабуля, – нарочито весело произнес он, стгоняя с себя остатки сна. – И на работе, и вообще.

Под «вообще» понимались затянувшиеся отношения с Юлькой. Уж сколько раз бабушка говорила ему жениться, настаивала, убеждала. Шутливо грозилась не умирать, пока не увидит его с кольцом на пальце. Впрочем, последняя угроза оказывалась ему весьма выгодной. И он всякий раз отшучивался по этому поводу. Живи, мол. Специально теперь никогда не женюсь.

– У меня все нормально, не о чем тебе беспокоиться, – повторил он.

Но тут же понял, что вовсе не в нем дело. Бабушка пришла к нему в комнату, чтобы о чем-то попросить. Это ей нужна была сейчас помощь. А он в своем обычном эгоизме поначалу не обратил на это внимания. Андрею стало стыдно. Он неловко кашлянул. И понял, что больше всего на свете хочет тут же исправить свою оплошность.

– Ну? – Андрей сел на кровати и вопросительно приподнял бровь. – Сбегать тебе за лекарствами?

Бабушка устало покачала головой.

– Телевизор опять сломался? – он почти обрадовался своему предположению. – Купим новый.

Но бабушка в ответ лишь печально погладила его по лбу своей сухонькой ладошкой.

– Тогда что?

– Пров, – едва слышно, как будто вздохнула, произнесла старушка.

– Что? Кто? – не понял Андрей.

– Неприкаянный он. И нет мне покоя из-за него.

Андрей помотал головой, стараясь согнать с себя вновь навалившуюся на него сонливость. Нет, он решительно ничего не понимал.

– Душа его неприякайна. Бродит по свету. Нет у меня больше сил, чтобы терпеть.

– Да объясни ты по-человечески, – развел руками внук. – Что за загадки? Подожди, дай я встану. Мы сейчас...

Он не договорил. Старческое сероватое лицо бабушки стало расплываться. Как будто кто-то стирал толстый слой пыли, осевший на полировке. Затем вся фигура ее осела, точно ссыпавшись с дивана на пол. Андрей хотел наклониться и посмотреть, что же осталось на полу после подобного катаклизма, но не смог. Неведомая сила навалилась на него и повалила обратно на диван, вжав его голову в подушку.

Тревога его все усиливалась. Он чувствовал, что в комнату вот-вот кто-то войдет. Кто-то страшный. Тот, кто уже стоял за дверью, которую бабушка оставила открытой. Нужно сопротивляться. Нужно вскочить с постели. Нужно! Но тело не слушалось его. Сколько ни напрягал он мышцы, стараясь сдвинуться хоть на миллиметр, ничего не выходило. Если бы он смог пошевелить хотя бы головой, чтобы взглянуть на дверь, которая сейчас была ему не видна. Он чувствовал, что неизвестное зло приближается к нему. Сейчас он почувствует его прикосновение: холодные цепкие пальцы у себя на шее.

Нужно сдвинуться с мертвой точки, в которой он замер, точно зависший внезапно компьютер. Нужно попытаться приподнять голову, которая сейчас беспомощно лежала на подушке. Не надо смотреть на дверь. Не следует даже думать о том, что надвигается оттуда. Нужно просто пошевелить головой. Почувствовать это движение. Тогда способность двигаться вновь вернется к нему в полной мере. Он почему-то был в этом уверен.

И он, напрягая все свои силы, стал приподнимать голову. Все выше, выше, выше над подушкой. Еще мгновение, и он увидит свои ноги. Еще чуть-чуть. Все выше и выше. Нужно лишь немного передохнуть. Но только он ослабил свою волю, как понял, что голова его по-прежнему лежит на подушке. И все ее героическое движение вверх существовало лишь в его воображении.

Все нужно было начинать сначала. Но времени на это явно не доставало. Ему оставалось только кричать. Может быть, Юлька была где-то здесь? Хотя вряд ли. Потому что тогда она была бы с ним в постели. Нет, она явно сегодня ночует у себя. Вернее, ночевала. Потому что яркий свет всюду бил у него из-за спины, недвусмысленно намекая на давно наступившее утро. Может быть, тогда его крики услышат соседи? Надеяться оставалось только на них.

Но беда состояла в том, что и крикнуть он не мог. Даже рот открыть не получалось. Да и свет этот вовсе не походил на теплый и желтоватый свет утреннего солнца. Нет, этот мертвенный белый свет исходил от того, что приближалось к нему сейчас из-за спины, пользуясь его неожиданной и полной беспомощностью.

Еще мгновение, и оно прикоснется к нему, будет рвать его на куски. А он при этом даже не сможет пошевелиться. Из последних сил Андрей напрягся всем телом, чтобы сдвинуть его с места. Хотя бы руку, хотя бы палец. Да, мизинец на левой руке. Этого было бы сейчас вполне достаточно. Это была бы победа. Он вложил в это движение всю свою волю, всю силу, которая у него оставалась. Но и мизинец не хотел его слушаться. Он скосил глаза вниз, пройдя взглядом по своей руке, и с ужасом увидел, что у него больше нет мизинца. Что от него остался короткий обрубок, из которого сочится кровь. Он снова попытался закричать и... прснулся.

Утерев тыльной стороной ладони горячий пот со лба, Андрей огляделся по сторонам, все еще находясь во власти своего кошмара. В комнате было темно. Из-за плохо задернутой шторы в окно с улицы заглядывал фонарь. Большим и указательным пальцами Андрей, зажмурив глаза, потер веки. Потом потряс головой, чтобы согнать с себя сон. Стоящий на тумбочке будильник показывал половину шестого. Еще слишком рано. Будильник поставлен на семь. Но за оставшиеся полтора часа все равно не уснуть.

Андрей поднялся и, не зажигая свет, прошел в кухню. Глядя в окно, он нервно курил под мурлыканье закипающего чайника. Чашка кофе слегка подняла ему настроение. Ровно настолько, чтобы спокойно и логически задать самому себе главный вопрос: «Что с ним происходит?»

Его бабушка умерла в Таганроге три года назад. И, собственно говоря, не было бы ничего удивительного, если бы она приснилась ему теперь. Сны вполне объяснимы с точки зрения физиологии, биологии, психологии и прочих естественных наук. Но дело заключалось в том, что она снилась ему все чаще и чаще. Причем сон был всегда один и тот же. Она садилась к нему на постель и заводила разговор о каком-то Прове, который не давал ей покоя. Иногда Андрей, как в этот раз, требовал от нее пояснений. Иногда он твердо обещал ей разобраться с этим Провом. Дело не в деталях. Дело в том, что он, похоже, тихо сходил с ума.

А как иначе все это объяснить? Нет, безусловно, он любил бабушку. Когда он учился в школе, а потом в университете, он проводил у нее все летние каникулы. Да и потом часто ездил к ней в Таганрог. Обычно летом. Ничего удивительного: юг, солнце, море.

Он помнил, как в августе они ходили с бабушкой на базар покупать арбузы. Они всегда отправлялись туда вместе. Бабушка умела по одному только внешнему виду отобрать спелый арбуз. Ей не надо было для этого никаких надрезов. А Андрей нужен был ей в качестве тяг-

ловой силы. Чтобы донести попку до дома. И ему приходилось приноравливаться к ее суетливой стариковской походке, то ускоряя шаги, то вновь замедляя их. Он, кажется, до сих пор помнил вкус тех арбузов.

Они шли на базар дворами. Этот маршрут давал сразу два преимущества. Во-первых, они сокращали путь. Во-вторых, избегали жаркого послеобеденного солнца, которое плавало асфальт на улицах, так что каблуки впечатывались в него, как в воск.

Но он снова отвлекся. Да, конечно же, он любил бабушку. Но она ушла из жизни, когда ей было восемьдесят семь. Нет, безусловно, это тоже было горем. И для него, и для его матери. Но подобную смерть нельзя назвать неожиданной. К такому финалу внутренне готовятся заранее. И вряд ли здесь следует говорить о каком-то шоке. По крайней мере, не таком, чтобы видеть покойную из ночи в ночь.

Нет, здесь явно было нечто другое. Какие-то внутренние, не осознанные им самим связи. Ведь сны – это, говорят, отражение нашей дневной жизни. Возможно, речь идет о его собственных житейских проблемах? И в образе бабушки с ним говорит его собственное «я», пытающееся что-то ему подсказать?

Но что? Не знает он никакого Прова. И никогда не знал. Ни одного. Имечко-то какое кондовое. Где сейчас такое встретишь? Хотя, впрочем, нынче стало модным изгаляться. И все же он лично ни одного Прова не встречал.

Разве что бабушка ему что-то рассказывала о каком-нибудь Прове, а он забыл об этом начисто. Но это все равно не объясняло его навязчивых снов. Надавать бы этому Прову как следует. Чтобы бабушка успокоилась. Но только где его найти? Бред какой-то. Наваждение. И это постоянно наваливающееся на него после каждого прихода бабушки нечто. Когда он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он, конечно, материалист, и его кошмарам должно быть какое-то объяснение. Причем желательно, чтобы это была не шизофрения.

Андрей допил кофе и вновь закурил. Снотворное попринимать? Так ведь тоже страшно. А ну как не проснешься вовремя? Говорят, бывает, что люди во сне умирают от разрыва сердца. И вроде бы это может случиться и от кошмара тоже. Если ты не сможешь вовремя проснуться. Бывают же у людей сердечные приступы во время киносеансов. Когда какое-нибудь страшное лицо кидается на главного героя из-за угла. Так почему бы, спрашивается, не помереть от своего же собственного ночного кошмара?

Рановато ему, конечно. Сердце молодое. Что за глупости лезут в голову? Тут не сердце, тут, похоже, эту самую голову и надо лечить. Сходить к психиатру? Боязно. наших психиатров он знает. Впрочем, откуда ему их знать? Ладно, не знает. Но может предположить, зная других врачей. Это за границей психоаналитики спокойно выслушивают лежащих у них на кушетках истеричек и неврастеников, помогая пациентам добрым словом и сочувственным пониманием их проблем. И не сообщают потом на работу и «куда следует».

А у нас тебя чем встретят: ваше полное имя, точная дата рождения, сколько полных лет, на что жалуетесь? Пожалуйся тут на сны об умершей бабушке и неизвестном Прове. Да и чем тебе помогут люди, которые, зная дату твоего рождения, даже не могут сами посчитать, сколько тебе лет?

Идите, скажут, молодой человек, отсюда со всеми своими комплексами. А начинка тут настаивать. Да тебя повяжут в смирительную рубашку и вгонят в вену кубов двадцать какого-нибудь лошадиного транквилизатора. Тут-то этот Пров и явится во всей красе. А эти шарлатаны в белых халатах еще и на работу сообщат. И начальство тебя вмиг вышвырнет. Кому хочется быть искусанным собственным сотрудником?

А если врачи подумают, что ты колешься? И у тебя глюки? Оно и вправду похоже на глюки. Да только на ясную голову. Но кто в этом будет разбираться? Тебя отправят на принудительное лечение в какую-нибудь психушку или тюрюгу. Нет, к врачам нельзя. Может, само пройдет?

Глава 3

Придя на службу, Андрей долго сидел, уставив пустой взгляд в монитор. О работе думать не то чтобы не хотелось, а просто не могло. Его слегка подташнивало. Может быть, от выкуренных натошак сигарет? Но ведь он потом позавтракал. Или это уже не считается? Наверное, от этого самого завтрака его и тошнило. Что за дрянь ему приходится есть. Нет, права бабушка: надо жениться. Вернее, была права. Но слово «была» как-то не подходило к той, которая приходила к нему чуть ли не каждой ночью. Хотя теперь она не вспоминала о его женитьбе. Куда больше ее интересовала возможность свести счеты с Провом. Андрей хихикнул. День и огромный, полный народу офис добавили ему уверенности в себе. Но он тут же вспомнил о ночном видении, и его затошнило еще сильнее.

Стараясь отогнать от себя воспоминания о кошмаре, он снова стал думать о женитьбе. Нет, только не на Юльке. Она готовит еще хуже него. И сама не прочь пошарить у него в холодильнике. Как с голодного края. Нет, ему бы хорошую хозяйку в дом. Чтобы у нее все в руках горело.

– Ярким пламенем, – почему-то тут же добавил он мысленно.

Это сразу вернуло его к тому мертвенно бледному свету, который заливал комнату, когда зловещее нечто готово было навалиться на него во сне. Нет, он больше не мог этого выносить.

Напряженно оглянувшись по сторонам – не заметил ли кто чего необычного в его поведении? – он почти тайком сунул в карман пиджака мятую пачку сигарет и выскользнул в коридор.

На этаже шел ремонт, поэтому полутемный и без того узкий коридор был уставлен с одного боку старыми столами вперемешку с канцелярскими шкафами, щедро забрызганными побелкой. По другой его стороне шли двери бесчисленных кабинетов. Они открывались наружу. И, открывшись, перегораживали все оставшееся от шкафов и столов пространство.

Андрей скользнул вдоль коридора, стараясь не быть сшибленным внезапно распахнувшейся дверью и одновременно не испачкаться побелкой, которая с доверчивостью ребенка цеплялась за вашу одежду при малейшем прикосновении к шкафам.

Курилка находилась в самом конце коридора, возле аварийной лестницы и лифта. Из нее несло таким табачным перегаром, что слепой, наверное, смог бы найти ее по запаху. Приотворив скрипучую дверь, Андрей бочком протиснулся внутрь. В облаках синего дыма на поставленных вдоль стен стульях сидело несколько человек.

– Привет, – буркнул Андрей.

Ему никто не ответил. Он был здесь своим человеком, на которого поэтому не обращают внимания – не из пренебрежения, а исключительно из-за признания его частью семьи. Присев на стуле, Андрей достал из пачки сигарету и задумчиво стал разминать ее руками. Он не спешил. Возвращаться в кабинет ему не хотелось. Поэтому он всячески старался растянуть перекур. Разговор в курилке, где в данный момент подобралась исключительно мужская компания, как водится, шел о женщинах.

Недавно разведенный Генка из топливного отдела, наклонившись на стуле вперед и пренебрежительно вертя рукой с зажженной сигаретой, которая описывала в воздухе дымные круги, как подбитый вражеский истребитель, рассуждал и рассуждал о чем-то на грани приличия, простительном исключительно благодаря тому, что в курилке все были хорошо знакомы между собой.

Не слушая Генку, Андрей окончательно размял сигарету, высек из почти пустой зажигалки жалкий дрожащий огонек и наконец-то закурил. После первой же затяжки он понял, что сигарета, как говорится, не пошла. Мучавшая его с утра тошнота внезапно резко усилилась. А горло точно сжали чьи-то цепкие пальцы. Рвотный позыв был настолько силен, что Андрею,

чтобы скрыть его, пришлось надсадно закашляться. При этом он согнулся на своем стуле в три погибели, а перед его глазами поплыли желто-зеленые пятна.

– Тебе пора бросать травиться, старик, – великодушно заметил Генка. – Нельзя так себя загонять. А то сердечко-то не каменное. Ты учти.

Андрей виновато улыбнулся и выпрямился, откинувшись на спинку стула. Он судорожно сделал несколько глубоких вдохов и прижал свободную от сигареты левую руку к груди.

– Может, и правда, сердце барахлит? – подумал он. – И все эти ночные явления лишь следствие недуга? Надо бы сходить, провериться. К кардиологу.

Генка тем временем продолжил с азартом крыть черной краской всю слабую половину человечества. Впрочем, скурив сигарету до фильтра, он внезапно успокоился, вскочил со стула и стремительно покинул прокопченные стены курилки.

Остальная компания, лишившись буйного вожака, тоже снялась с места и вышла. Андрей остался один. Глупые Генкины рассуждения добавили к его тошноте головную боль. Так и не куренная сигарета бесполезно истлела у него в руке.

Андрей затушил окурок в пепельнице, стоящей на небольшом столике справа от его стула, и потянулся в карман за мятой пачкой. Нет, если уж он пришел сюда покурить, то он это сделает. И никакая Генкина болтовня его не остановит. Нашелся пророк из курилки! Своим здоровьем пусть озаботится. Подумаешь – сердце! Нет, о сердце, конечно, нужно думать. Когда с ним проблемы. Но у него их нет. И быть не может. Какой из Генки кардиолог. Затошнило? И что с того? Сразу сердце? При беременности тоже тошнит. Так, может, он теперь беременный?

Андрей высек из зажигалки еще одну порцию огня и закурил. Затем тяжело откинулся на спинку стула и сделал несколько нарочито глубоких затяжек, как будто самому себе доказывая, что его сердце исправно. Новый приступ тошноты заставил его согнуться в три погибели. А свет в курилке начал меркнуть.

Сначала Андрей решил, что это темнеет у него в глазах. Но когда он с усилием поднял внезапно неимоверно потяжелевшую голову, то к своему ужасу увидел, что единственная лампочка на потолке гаснет.

Отвратительно и несуразно было то, что она не потухла внезапно, как бывает, когда перегорит спираль или кто-то отключит свет. И даже не лопнула с оглушительным взрывом, как порой случается с лампочками. Нет, она медленно угасала, словно кто-то подкручивал колесико реостата. Из ослепительного снопа желтого света, висящего, как солнце в легком утреннем мареве, в клубах табачного дыма, она превратилась в оранжевый шарик. Потом в нем, как тлеющий окурок, показалась остывающая спираль.

Андрей затряс головой. Он хотел встать, но ноги не слушались его. Еще мгновение, и он, как утром в постели, уже не мог пошевелить ни рукой, ни даже пальцем. Но тогда это был сон. Сейчас он оказался во власти кошмара наяву. Он словно потерял свое тело, отстранился от него. И только тошнота осталась у него из физических ощущений.

Позвать на помощь? Он не знал, повинуется ли ему его голос. Может быть. Но в каком виде он предстанет перед сослуживцами, если ни с того ни с сего заорет в курилке:

– На помощь! На помощь!

Что он им скажет? Сердце прихватило?

– С сердцем, миленький, так не орут, – укорит его Виталий Степанович, начальник отдела, – с сердцем лежат себе тихонько и помирают, никого не отвлекая от работы.

Да и далось ему сегодня это сердце. Сколько можно? Но если не сваливать все на несчастную мышцу, придется признать, что он, взрослый мужик, белым днем, в набитом людьми офисном здании испугался, когда в комнате погас свет? Да и комната-то с окном.

Впрочем, от окна в курилке было мало толку. Оно выходило в узкий простенок. Метрах в двух-трех от него высился глухой торец соседнего здания – обшарпанная кирпичная кладка. Сейчас, глубокой осенью, в туман и непогоду наличием окна можно было пренебречь.

И все же потухшая лампочка никак не оправдала бы его призывов к спасению. Может, в сети просто упало напряжение. А лампочка цела и невредима. Завхоз Светлана Викторовна зорко следит за освещением. Она не простит ему паники, поднятой из-за исправной лампочки.

Мысль о том, что его, ведущего инженера-программиста, будут отчитывать за поклев на лампочку, была настолько нелепой, что Андрей мысленно хихикнул. Не о том он думает. Наверное, он просто сходит с ума. Очень похоже. И нечего приплетать сюда благородный инфаркт. Нет, у него какая-нибудь шизофрения, вульгарная, как уличная девка. При шизофрении как раз и требуют спасения от погаснувшей лампочки. А еще бегают по коридорам и кусают коллег. Это у него наверняка еще впереди.

Как ни странно, но мысли о шизофрении несколько успокоили Андрея. Все еще не владея своим неуклюжим и тяжелым, точно борцовский манекен, телом, он скосил взгляд в угол, где была дверь, в надежде на то, что никотиновый голод приведет в курилку новую порцию страждущих.

Бабушка стояла в самом углу. Ее по-стариковски хрупкая фигурка словно соткалась из сгустившегося табачного дыма. По-видимому, лампочка – у Андрея уже не было сил взглянуть наверх – уже полностью погасла. И в полумраке комнаты лицо бабушки слабо светилось, как будто натертое фосфором. Впрочем, Андрею сначала пришел на ум не фосфор, а осциллограф. Легче, правда, от этого не было.

Он почувствовал, как все его тело пробивает озноб. При этом по лицу его заструились влажные ниточки горячего пота. Так, наверное, чувствует себя снеговик, которого окатили ведром кипятка. Андрей несколько раз судорожно вздохнул и, преодолевая вновь накатившую на него тошноту, прошептал:

– Бабушка, почему? Я чем-то тебя обидел?

Он не был уверен, что он это произнес. Возможно, слова прозвучали лишь в его голове. А он при этом только беспомощно раскрывал рот. Но даже этот его выдох, обращенный в сторону его незваной гостьи, заставил ее лицо прийти в движение. Оно заколыхалось, как повисший в воздухе дым, застигнутый врасплох легким порывом ветра. Находясь в каком-то столбняке, Андрей следил за этой трансформацией. В голове его при этом возникла мысль: а не дунуть ли со всей силы? Может, кошмар и рассеется?

Он уже готов был реализовать свой план, когда, взглядевшись внимательно в лицо бабушки, понял, что ее губы шевелятся, выговаривая слова. Но Андрей никак не мог их разобрать. Он вжался в спинку стула, изо всех сил при этом напрягая слух. И в мертвенной тишине курилки до него донесся шепот.

– Пров, – говорила ему бабушка, – внучек, найди Прова. Нет мне покоя.

– Да что же это за Пров такой? – хотелось крикнуть Андрею. – Где я его найду?

Но язык не слушался. Остатки здравого смысла яростно сопротивлялись тому, чтобы продолжать разговор с призраком. Это в кино герои охотно и как-то буднично вступают в контакт со сверхъестественным. В реальной жизни логика не оставляет места на подобные вещи. Она возводит в сознании незримый барьер от всего, что не укладывается в общепринятое представление о нормальном и естественном. Андрей скорее был готов поверить в свою болезнь, чем в то, что увиденное им происходит на самом деле.

В коридоре послышались приближающиеся шаги и женские голоса. Распахнувшись, дверь курилки словно привела в движение тубус калейдоскопа, разом изменив всю картину. Лампочка под потолком снова ярко вспыхнула. И тут же залила комнату желтым светом.

– Найди Прова, найди, внучек, – шепнуло видение и растворилось в дымном воздухе.

Жмурясь после недавнего полумрака, Андрей старался рассмотреть вошедших. Какие-то девицы. Кажется, из планового. Он знал их в лицо, но не помнил по именам.

– А что вы тут сидите, как мышка? – спросила Андрея одна из них.

– Вам плохо? – добавила другая, внимательно вглядываясь в его позеленевшее лицо.

– Да нет, мне здорово, – клацая зубами от пробирающего его озноба, пробормотал Андрей.

– Обкурился, бедняга, – хихикнула первая девица, вертя в руках сигарету. – Правильно говорят, что никотин – это яд.

– Здесь так накурено, – не поддержав веселого настроения подруги, продолжила та, что интересовалась его здоровьем, наклоняясь к нему. – Вы весь мокрый. Может быть, вызвать скорую?

– Нет, нет, не надо, – закачал головой Андрей, – я в порядке, уже в порядке, мне лучше.

– Как хотите, – прошептала девица, придвинувшись к нему еще ближе.

Андрей невольно поймал взгляд ее зеленых и словно бы фосфоресцирующих глаз. А в самой глубине черных зрачков почудился ему все более разгорающийся красноватый отблеск. Словно язык пламени поднимался из бездонного колодца. Сглотнув слюну, Андрей отстранился от нависшей над ним девицы с такой силой, что его стул с душераздирающим скрежетом поехал по полу.

– Вам точно помощь не нужна? Или вас ПРОВОдить? – спросила дьяволица, скаля клыки.

– Не надо меня Прова... провозать, – тяжело дыша, ответил Андрей, сползая со стула на пол.

– Да ему плохо, Жанка! – его новая мучительница обернулась к своей товарке. – Помоги. Бери его под другую руку. А то упадет ведь.

Девушки вновь усадили его глубже на сиденье стула. Та, что с зелеными пылающими глазами, выбежала на минуту и, вернувшись, приложила мокрый носовой платок к пылающему лбу Андрея. В висках у него застучало. Он со страхом вновь поднял взгляд на девицу. Но уже не увидел в ней ничего необычного. Она смотрела на него с явным участием.

– Вам надо выйти отсюда, – подхватила ее подруга. – Дойдете сами?

– Ага, дойду, – кивнул Андрей и встал на ноги.

– Я сказала не «дойдете», а «найдете»! – низким голосом произнесла девица, приступая к нему. – Найдешь Прова? Найдешь?

Не помня себя, Андрей выскочил из курилки и помчался по коридору.

– Найдешь? Найдешь? – звучало ему вслед.

Добравшись до своего рабочего места, он бессильно опустился в кресло. Его кабинет казался ему теперь просто замечательным. Именно благодаря своей огромности и многолюдности. То, за что он раньше ругал начальство, усадившее целый отдел в помещение, по размерам сравнимое с залом ожидания какого-нибудь провинциального вокзальчика, теперь умиляло его до глубины души.

Впрочем, его беспокойный взгляд тут же незаметно прошелся по сослуживцам. Еще один сюрприз он бы сейчас не перенес. Зеленый огонек, замеченный в чьих-нибудь глазах, заставил бы его броситься бежать отсюда не разбирая дороги. Однако его больное воображение, похоже, решило дать ему отдых.

Не заметив в коллегах ничего подозрительного, Андрей немного успокоился. Нет, ему ни в коем случае нельзя было поддаваться своей болезни. Или это была не болезнь? Глюки среди бела дня и на трезвую голову? Ни с того ни с сего? Притом, что ни один из его родственников, по крайней мере, насколько он знал, никогда не попадал в психушку.

Но что тогда это было? Может быть, обратиться к экзорцисту? От столь нелепой мысли ему самому стало смешно. Если он и не нашел решения своей проблемы, то хотя бы смог поднять себе настроение. Вспомнив девиц в курилке, Андрей вновь вернулся к мысли об изгнании

бесов. Но где этого экзорциста возьмешь? Настоящего-то? Объявлений в газетах о ворожбе и прочих оккультных услугах полно. Он, конечно, не интересовался, но наверняка найдутся среди них и те, что предлагают услуги по изгнанию дьявола. Да вот только веры им нет никакой.

Слово «вера» невольно натолкнула его на мысль о церкви. Может быть, просто сходить к священнику? Так ведь засмеет батюшка. Скажет, что пить надо меньше. А ведь не пьет он. По крайней мере, до чертиков. Но как докажешь? И не колется. Вот в чем штука.

Может, бабушкину могилу окропить святой водой? Галлюцинации-то начались именно с нее, со старушки. Главное, воды побольше. Чем больше воды – тем больше в ней святости. Окатить из ведра. Из брандспойта. Подогнать цистерну и...

Мысли в голове Андрея понеслись вскачь. Надо написать бабушкиной сестре в Таганрог. Пусть баба Валя все сделает. Не из цистерны, конечно. Этого она не оценит. Да и дорого. Впрочем, деньги он ей переведет. Минутное дело. В любом банке. Но она не поймет. Не в смысле перевода, а в смысле полива могилы из шланга. Летом еще можно было бы сказать, что надо для цветов. Чтобы лучше росли. А сейчас, глубокой осенью? Как он ей объяснит? Каток для ангелов нужно залить? Или что? Нет, не из цистерны. Просто попросить окропить могилку из бутылочки. Но только тщательно. Это обязательно надо написать: тщательно! И подчеркнуть два раза. А зачем письмом-то? Можно же позвонить. Сегодня. Сейчас же. Нет, не сейчас. Из дома. Не будет же он перед всем отделом давать бабке инструкции по поливу могилы? Никуда не годится. Надо подождать, пока он вернется домой...

Придумав способ избавиться от кошмаров, Андрей успокоено откинулся на спинку кресла, чтобы обдумать детали. Обдумывание, однако, дало неожиданные результаты. Чем больше размышлял он о том, как объяснить бабушке Вале свою просьбу, тем более понимал ущербность плана, еще четверть часа назад казавшегося ему таким замечательным.

Что он скажет старушке? Что ее сестра является ему по ночам? Да, кстати, и не только по ночам, а и в течение рабочего дня. Да еще в компании подозрительных девиц? В курилке? Баба Валя не знает, что он вообще курит. Тему с курением можно, конечно, обойти. Сказать, что бабушка с двумя дьяволицами застучала его в коридоре. Но и это будет звучать, как полный бред! Не коридор. Помещение в данном случае роли не играет. А сам факт. Не поверит ему бабка. Решит, что у него крыша съехала. Или как там старики говорят? Душевный недуг. А если и поверит? Такими рассказами кого хочешь испугать можно. Даже молодого и здорового. Он сам тому пример. А бабка старенькая. Не ровен час – отдаст богу душу от его откровений. И будут они ему являться вдвоем...

Представив это, Андрей невольно хмыкнул. Как ни мерзко было у него на душе, как ни подкрадывалась к горлу проклятая тошнота, но мысль о двух сестричках с того света показалась ему забавной.

– Нет, это не выход, не выход, – прошептал сам себе Андрей, прижав к губам ладонь.

Надо было придумать что-то другое. Можно, конечно, съездить в Таганрог самому. Тогда ничего не придется никому объяснять. Но решит ли окропление могилы его проблему? В глубине души он чувствовал, что его проблема – не бабушка. После долгих размышлений он пришел к следующему выводу: либо у него просто-напросто (если, конечно, выражение «просто-напросто» уместно в таком случае) шизофрения или еще какое-то умственное расстройство, либо ему, как ни дико это звучит, нужно найти того самого таинственного Прова. От последней мысли тошнота его еще более усилилась. Кажется, он этого Прова уже возненавидел.

Глава 4

На улице лил дождь. Свинцовый, тяжелый, осенний. Под его звуки хорошо засыпать в теплой постели. Но брести по улице, да еще без зонта, зябко стягивая на горле воротник пальто, чтобы холодные капли не попадали за шиворот, хотя они все равно туда попадают, скатываясь струйками по шее на спину, – такого и врагу не пожелаешь.

Андрей вышел на крыльцо и несколько минут стоял под его козырьком, не решаясь ступить на тротуар, похожий сейчас больше на бурную горную реку, чем на городской асфальт. Было самое темное время суток, когда сумерки уже сгустились, а уличное освещение еще не зажгли.

– Экономят, гады, – злобно подумал Андрей, имея в виду электричество и коммунальные службы. – Выглянули бы в окно. Тьма какая.

Мимо него проскочила из здания на улицу стайка незнакомых девиц. Они напомнили Андрею о курилке. Содрогнувшись, он поднял воротник и резко, одним махом, как прыгают в холодную воду, выскочил из-под спасительного козырька. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас вновь встретиться с той парочкой, что так напугала его утром.

Дождь хлестал в лицо и почти ослеплял. Приходилось все время вытирать рукой глаза, которые заливала холодная влага. Прохожих на этой отдаленной от центра улице было немного. И все они спешили добраться до троллейбусной остановки, дома или любого другого укрытия, которое спасет их от пронизывающего холодного ветра и разверзшихся небес.

Тротуар напоминал архипелаг. Дождевая вода заполнила все его неровности, образовав большие и маленькие лужи, слившиеся протоками, между которыми отдельными островками выступал асфальт. Сначала Андрей старался избегать глубоких мест.словно играющая в классы школьница, он перепрыгивал с одного островка на другой. Но, промахнувшись пару раз в почти непроглядной темноте и с плеском приземлившись в самой середине очередной лужи, он плюнул на обувь и пошел не разбирая дороги.

До остановки было далеко. Почему он не додумался взять на работу зонтик? Теперь пальто промокнет насквозь. И туфли тоже. Впрочем, туфли промокли бы в любом случае. Но пальто до утра не высохнет. Может быть, включить обогреватель и попытаться его подсушить? Или надеть завтра куртку? Если, конечно, он доживет до завтрашнего утра.

Тошнота так и не отпустила его. А все случившееся за день заставляло со страхом ждать надвигающейся ночи. Улица, даже залитая дождем и продуваемая холодным ветром, казалось ему безопаснее пустой квартиры. Здесь, по крайней мере, хоть изредка попадались люди. Андрей ощущал с ними невольную общность. Потому что понимал, что на его месте они также тряслись бы сейчас от страха. А значит, им можно доверять. Они свои, они не выпустят клыки и не зажгут глаза.

Может быть, пойти сегодня ночевать к родителям? Но это было бы выходом только в случае, если то, что он видел, не мерещилось ему. Если же по не вполне понятным причинам он просто сходит с ума, пугать родителей было в высшей степени бестактным. Он представил, как среди ночи вскакивает с кровати и зовет на помощь. И прибежавшие к нему в комнату мама с папой видят его безумный взгляд. Что он им скажет? Что ему приснился кошмар? Но он уже, мягко говоря, слишком взрослый, чтобы учинять истерики из-за нехорошего сна. Нет, уж лучше... Впрочем, слово «лучше», кажется, не подходило к его ситуации.

По нормальной погоде можно было бы выехать в центр и ходить по улицам до глубокой ночи. До полного изнеможения. Чтобы прийти домой и сразу лечь спать. Но под таким дождем долго не проходишь. Тут действительно можно сойти за ненормального. Однако его степень безумства была еще не самой крайней. Он убедился в этом, когда заметил впереди велосипедиста. Тот ехал навстречу, и шорох шин по мокрому асфальту был слышен издали.

– Должно быть, его прихватило еще сильнее, чем меня, – подумал с неким облегчением Андрей.

Он тут же поймал себя на мысли, что его удовлетворение от этого никак нельзя назвать достойным приличного человека. И все же он невольно обрадовался. Это не было злорадством по поводу несчастья другого. Нет, это была радость, которую, наверное, должен испытать астронавт, который, пролетев сто тысяч световых лет и состарившись в тесной кабине своего корабля, встречает на далекой планете братьев по разуму.

Брат по разуму медленно приближался и, казалось, совсем не обращал внимания на дождь. Вскоре Андрей смог разглядеть его во всех деталях. Это был молодой человек в длинном пальто, несуразном для прогулок на велосипеде вообще, а в дождливую погоду тем более. Он механически равномерно крутил педали, как будто не он заставлял их вращаться, а они, крутясь под воздействием невидимого мотора, приводили в движение его ноги.

Велосипедист был без шапки. Его длинные черные волосы намокли и облепили лицо сосульками, с кончиков которых капала вода. При взгляде на это лицо Андрея точно уколола под сердце игла. Юноша был бледен, как покойник. По крайней мере, Андрей, видевший покойников только в кино, представлял их себе именно такими. Ни один мускул не шевелился на этом безжизненном лице. Но страшнее всего были глаза. Они напоминали два пустых черных отверстия. Велосипедист не мигая смотрел вперед сквозь дождь и пространство. Приблизившись, он повернул голову. Мертвые глаза уставились на Андрея, как дула двустволки, – черные и бездонные. Велосипедист медленно надвигался на Андрея, все время держа его под прицелом своих страшных глаз. А тот, как замороженный, не мог оторвать от него взгляда. Так кролик смотрит на удава, погружаясь в бездну его гипнотического притяжения.

В тот самый момент, когда они поравнялись, синеватые губы велосипедиста зашевелились. От Андрея не ускользнуло это движение – едва заметная жизнь среди мертвого пространства бледного лица. В следующую секунду он понял, что губы не просто шевелятся, а произносят какие-то слова. Движения повторялись. Одно слово? Андрей напряженно следил, силясь угадать. Зачем? Он не мог бы ответить на этот вопрос. Губы незнакомца плотно сжимались и затем выталкивали из себя один единственный слог, точно выплевывали его.

– Пров, – беззвучно говорили эти губы, – Пров, Пров, Пров.

Не понимая, что он делает, Андрей шагнул навстречу велосипедисту. Он даже протянул вперед руку, словно хотел о чем-то спросить. Но ездок почти незаметным движением руля увел велосипед в сторону и, обдав Андрея брызгами из лужи, проехал мимо. Еще мгновение, и он растаял во все более сгущающихся сумерках.

Андрей затравленно оглянулся по сторонам. Он силился понять, видел ли кто-то еще этого велосипедиста? Или тот был плодом его большого воображения? Но понять это было невозможно. Люди торопились по своим делам, не обращая друг на друга внимания. А приставать к прохожим с вопросом, проезжал ли здесь две минуты назад бледный юноша на велосипеде, Андрею не хотелось. Тут он действительно сошел бы за ненормального.

Он тихо дошел до остановки и сел в троллейбус. Водитель, должно быть, включил отопление. В салоне было душно, как в прачечной. Испаряясь с промокшей одежды, влага затуманила изнутри окна и наполнила троллейбус запахом мокрой материи. Андрей дотянулся рукой до поручня и намертво вцепился в него.

Лицо велосипедиста не давало ему покоя. Раз за разом он мысленно просматривал его: бледная кожа, синюшные губы, черные провалы глаз, уши... Стоп! Он только что сообразил, что к ушам незнакомца шли проводки. Наушники? Это многое объясняло. Если и не бледность кожи – впрочем, каждый имеет право быть настолько бледным, насколько это позволяет мать-природа, – то, по крайней мере, шевелящиеся губы и отстраненный вид.

– Он ничего не старался мне сказать – он просто подпевал! – чуть не вскрикнул Андрей.

Глупец? Конечно, глупец! Кто же катается под проливным дождем на велосипеде? Да еще в кашемировом пальто. Но вполне реальный глупец, каких тысячи, а то и миллионы. Может быть, пьяный или даже наркоман. Фу, как хорошо, что он, Андрей, не дотянулся до него рукой. Хорошо бы он был, остановив посреди улицы обдолбанного в хлам подростка. Тот запросто мог полезть в драку. Только этого Андрею сейчас не хватало ко всем его проблемам в придачу.

Найдя логическое объяснение уличной встрече, Андрей немного повеселел. С приближением к центру троллейбус набивался все плотнее. Трудно было представить, что орды, штурмовавшие его на каждой остановке, смогут поместиться в салоне. Но, вступая в явные противоречия с законами физики, люди протискивались внутрь. И на пространстве, где еще два перегона назад, крихтя и бросая друг на друга гневные взгляды, с трудом помещались два пассажира, теперь, ни на что не жалуясь, стояло пятеро.

Наседавшая толпа оторвала Андрея от поручня и протащила, как морская волна влажную гальку, вглубь салона. Он, впрочем, не сопротивлялся. Ехать ему было долго – почти до конечной. Обилие народа скорее радовало. В салоне царило то чувство единения, которое появляется у людей, стесненных тяжелыми обстоятельствами, но движимых общей целью. И целью этой было поскорее добраться домой.

Спустя минут сорок Андрей сошел на своей остановке уже изрядно успокоенным. Дождь перестал. Небо местами расчистилось. И даже стало слегка вымораживать. Такие резкие перепады погоды бывают только глубокой осенью. Продравшаяся сквозь отогнанные к горизонту облака Луна заливала улицу желтоватым светом.

С чувством легкой иронии Андрей вспоминал о своих страхах. Нет, сегодня явно был не его день. Сначала нехороший сон. Потом разговоры ни о чем в курилке. Да еще эти девицы. Ладно, пусть и с крупными зубами, но не вампиры же, в конце концов? Они же искренне хотели ему помочь. А затем еще и этот странный велосипедист. Плюс дождь, темнота, лужи. Словно сама природа ополчилась против него. Но теперь, кажется, все было уже позади. Приободрившись, Андрей почувствовал себя настолько хорошо, что, наслаждаясь собственной смелостью и вернувшейся способностью спокойно анализировать происходящее вокруг, поднял взгляд и, вздохнув полной грудью холодный осенний воздух, огляделся по сторонам.

В это мгновение он услышал знакомый шум. Не шум даже, а шелест. Этот звук трудно спутать с чем-либо. Так, негромко, но отчетливо, шуршат шины велосипеда по мокрому асфальту. Андрей вздрогнул. Неприятный холодок пробежал у него по всему телу. Он, конечно, тут же постарался взять себя в руки. Ведь еще один велосипедист лишь доказывал то, в чем он так старательно убеждал себя в течение всей поездки. А именно: люди, тем более эти оглашенные подростки, ездят на велосипедах по осенним улицам в кромешной тьме и тотальной сырости.

Почти гипнотизируя взглядом пространство, он напряженно уставился вперед. И он увидел бледное лицо. Юноша вновь ехал ему навстречу. Все в том же пальто, по-видимому, мокром насквозь, и с прядями черных волос, с которых капала вода. Нет, его нельзя было спутать ни с кем другим. Андрей сделал несколько неуверенных шагов назад. Так отступают, перед тем как броситься бежать. Но он не побежал. И вовсе не потому, что смог совладать со страхом, который навалился на него с новой силой. Нет, он не побежал единственно из-за того, что страх его был так силен, что парализовал все его тело. Сделавшись ватными, ноги отказывались подчиняться.

Андрей затравлено огляделся по сторонам. Ему подумалось, что, останься он один на один с жутким велосипедистом, тот просто-напросто задавит его, затопчет, убьет, разорвет руками на части. К счастью, вокруг находились люди – обычные прохожие, присутствие которых было теперь единственным его спасением.

Округлившимися глазами Андрей вглядывался в велосипедиста. Нельзя было предположить, чтобы он промчался по улицам, обогнав троллейбус. И что же тогда? Миновав Андрея,

он тут же спрыгнул с велосипеда, погрузил его в машину (может быть, в микроавтобус?), сел в нее сам и помчался по городу, чтобы сейчас вновь проехать навстречу? Других вариантов не было. Кроме тех, которые подсказывало ему его подсознание, но которые он предпочитал не выпускать наружу.

Хотя вариант с машиной был не намного утешительней. Объяснить такое поведение бешеного подростка простой случайностью было решительно невозможно. Нет, подобное могло произойти только в том случае, если те, с кем этот подросток был связан, прекрасно знали, где живет Андрей и каким маршрутом он добирается домой.

Даже отбросив мысли о сверхъестественном, приходилось допустить, что за ним следили. Зачем? С какой целью? Что им от него нужно? И, самое главное, кому? Обратиться в полицию? Но с чем? Написать в заявлении, что его преследует велосипедист в мокром пальто? И что он против него имеет? Он что, напал на него? При этой мысли Андрей вздрогнул. Нет, не надо даже в мыслях напрашиваться на такое. Того и гляди накличешь беду. А этот парнишка... Он, конечно, шуплый на вид. Но ненормальные, они сильные. От них не отобьешься.

В этот момент велосипедист поравнялся с Андреем. Как и в предыдущий раз, губы его зашевелились. Нет, он отнюдь не напевал песенку из своего плеера. Глядя прямо на Андрея жуткими, как ружейные стволы, глазами, юноша бесцветным голосом четко произнес: «Пров. Найди Прова» – и медленно проехал мимо.

Теперь у Андрея не оставалось никаких сомнений в том, что он тихо сходит с ума. Чтобы окончательно проверить себя, он, стараясь выглядеть как можно более естественным, нарочито весело обратился к поравнявшемуся с ним мужчине:

- Надо же. В такой дождь – и на велосипеде.
- Кто? – непонимающе переспросил тот в ответ.
- Молодой человек, – с тревогой пояснил Андрей.
- Молодой человек? – как казалось, еще более растерявшись, вновь переспросил мужчина. – Простите, не заметил.
- Это вы меня простите, – пробормотал вконец отчаявшийся Андрей.

Получалось, что адский подросток ему померещился? Этот факт только усилил его тревогу. Андрей содрогнулся, вновь подумал о святой воде и, плотнее запахнув воротник мокрого пальто, поспешил к своему дому.

Глава 5

Юлька пришла неожиданно, без приглашения и предварительного звонка. Андрей не приветствовал подобной фамильярности. Впрочем, после событий прошедшего дня он был рад подруге. В этот вечер ему меньше всего хотелось остаться одному.

– Может, она почувствовала, что я скоро умру? – мелькнула в голове у Андрея нехорошая мысль. – Женщины, они, как собаки, чувствуют всякие несчастья.

Пока Юлька возилась на кухне, он прилег на диван. Гадкие и ничем, кроме душевного нездоровья или оккультизма, не объяснимые странности, которые сыпались на него целый день, дали о себе знать неимоверной усталостью. Андрею показалось, что он закрыл глаза всего на несколько минут. Но, когда Юлька разбудила его, он, взглянув на часы, понял, что проспал никак не меньше часа. Он провалился в сон, как в огромную мягкую перину, самостоятельно вырваться из пуховых объятий которой было решительно невозможно. Он не видел никаких снов, и его не мучили кошмары.

– Усталость – лучший друг умалишенных, – грустно подумал Андрей, удивившись афористичности собственных мыслей.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас остаться на диване. И так, не расстелив постель и не раздеваясь, проспать до утра. Но Юлька ни за что не позволила бы ему этого. Она теребила его и, видя, что он никак не хочет окончательно просыпаться, гнала умываться и ужинать.

В кухне, куда Андрей прошел из ванной, горела только лампа, подвешенная прямо над обеденным столом. По неизвестной причине Юлька выключила верхний свет. И ветви деревьев за окном, раскачиваемые под сильным ветром, наполнили полутемную комнату причудливыми тенями. Они копошились и мельтешили, как пассажиры на привокзальном перроне перед отправкой поезда. В углах поселились причудливые создания, которые корчились в предсмертных муках.

По спине Андрея поползли предательские мурашки. Учитывая сегодняшние перипетии, он предпочел бы ужинать при включенной люстре, но боялся разозлить подругу. Юлька щебетала что-то о невыносимой осенней погоде и покупке новых штор. О том, как к ней прицепился сегодня в магазине какой-то не то пьяный, не то просто дурачок. Андрей почти не слушал ее. Он старательно распилывал ножом закопченные лепешки (Юлька явно пережарила мясо), лежащие в его тарелке, и отправлял в рот кусочек за кусочком. Тошнота его вновь усилилась. И время от времени ему приходилось хмыкать. Как будто от Юлькиных рассказов. На самом деле – чтобы скрыть рвотный рефлекс, завуалировать его то ли смешком, то ли покашливанием. Неожиданно в бесконечной болтовне подружки его полоснуло слово «Пров»!

– Что, какой Пров? – почти вскрикнул он.

– Пров? – осеклась Юлька. – Я не говорила «Пров». Я говорила, что желала ему ПРО-Валиться куда-нибудь сквозь землю.

Она растерялась и недоуменно глядела на Андрея. Внезапно она поняла, что он совсем ее не слушает. И вид у нее при этом был настолько несчастный, что Андрею стало неловко.

– Прости, – буркнул он, давась горелым мясом, – я задумался. Тяжелый день. Так о чем ты говорила?

Юлька стряхнула с себя минутное оцепенение и радостно продолжила свой рассказ. Наверное, она хотела порадовать его, развеселить, поддержать. Андрей понимал это. Но ничего не мог поделать с чувством тревоги, которое вновь охватило его и не проходило. Юлька показывала, как она продиралась сквозь толпу в универмаге, стараясь избавиться от назойливого ухажера. При этом она размахивала руками. И тени по углам, уже от ее рук, корчились под

изошренными пытками. Они сгибались вдвое, выворачивались наизнанку, ползли и извивались.

Андрей судорожно сдерживал тошноту. Он уже не слушал Юлькину болтовню. И думал только о том, как досидеть до конца ужина. Страх заставил его напрячься всем телом. Ему казалось, что тени из того угла, что был за его спиной, вот-вот набросятся на него. Он утешал себя только тем, что Юлька сидела напротив него и должна была увидеть, если бы за его спиной творилось что-то сверхъестественное. Впрочем, она была слишком увлечена собственной речью.

Превозмогая ужас и стараясь не привлекать внимание подружки, Андрей оглянулся. Однако его движение не осталось незамеченным. Юлька фыркнула и замолчала. После ее трескотни наступившая тишина еще более напугала Андрея. Но он не должен был выдавать себя. Иначе тени, поняв, что их раскрыли, наверняка набросились бы на него.

– Что? – изо всех сил стараясь выглядеть если не веселым, то хотя бы доброжелательным, спросил он.

– Что «что»? – надув губы, бросила в ответ Юлька. – Я не понимаю. Что с тобой сегодня происходит? Ты даже не хочешь делать вид, что тебе интересно, как я провела день. Ты не понимаешь, как мне обидно.

– Прости, – выдавил Андрей, – показалось. Вроде что-то стукнуло за спиной.

– Где? За окном? – огрызнулась Юлька. – Карлсон прилетел? Или этот, как его, Пров?

– Пров? – Андрей невольно вздрогнул и, ненавидя себя за это, но не в силах сдержаться, вновь нервно оглянулся.

– Тебя, я вижу, этот Пров больше интересуется, чем я! – рывкнула Юлька, и ее взгляд скользнул по Андрею, точно скальпель.

При других обстоятельствах тот факт, что Юлька вдруг приревновала его к яростно ненавидимому им Прову, мог бы развеселить Андрея. Но теперь он чувствовал себя настолько плохо, что не смог оценить комизм ситуации. Его серьезность только подлила масла в огонь. И Юлька разразилась жалобами о своей несчастной доле и испорченном вечере.

– Прости, я просто устал, – выдавил Андрей.

Неожиданная капитуляция противника смутила Юльку. Она по инерции бросила ему в лицо еще несколько упреков. Но продолжать конфликт было бы в высшей степени глупо. Поэтому Юлька, все еще недоверчиво поглядывая на своего избранника, встала из-за стола и полезла целоваться.

Впрочем, женские ласки не доставили сейчас Андрею никакого удовольствия. Гораздо больше его бы обрадовало, если бы Юлька включила свет на кухне. А еще лучше – и в коридоре. В коридоре тоже обязательно нужно было включить. Чем больше света – тем лучше.

Андрей уже давно напряженно вглядывался в то, что творилось в дальнем от него и самом темном углу. Тени, что плясали по стенам от театральных жестов, которыми его подружка сопровождала свою недавнюю тираду, в том углу вели себя как-то нехорошо. Их движения явно не совпадали с Юлькиными. Словно замороженный, следил он за тем, как в углу что-то копошилось, мельтешило и жило, казалось, своей собственной жизнью.

Теперь же, когда своими извинениями он разом выбил Юльку из колеи и она села верхом к нему на колени, он вполне отчетливо разглядел в темном углу человеческую фигуру. Старушка стояла, сложив на груди руки, и точно молила его о чем-то.

– Бабушка? – выдохнул он, и тут же добавил уже убежденно и почти обреченно: – Бабушка!

– Ты это мне? – взвилась Юлька, которая и так уже искала повода для нового скандала, расстроенная тем, что Андрей явно не отвечал на ее ласки: – Я на три года тебя моложе, «дедушка»!

Она вскочила у него с колен и заломила руки в бессильной злобе. Андрей понимал, что ему надо как-то успокоить обиженную подругу. Но сейчас ему просто было не до нее. Он приласкает ее. В другой раз. Когда-нибудь. У него еще будет для этого время. По крайней мере, если он справится со своими навязчивыми видениями. А если даже нет, то свободное время будет у него и в психушке. Там, пожалуй, его будет еще больше, чем на воле. Но Юлька, наверное, не придет к нему туда. Кто же захочет связать свою жизнь с душевнобольным? С другой стороны, какой псих захочет всерьез связать свою жизнь с Юлькой? Сидеть рядком и грызть обгоревшее мясо?

Юлька явно ждала его извинений, а он не мог оторвать взгляд от бабушки. Он вглядывался и вглядывался в ее лицо. Внезапно он понял, что больше не боится ее.

– Стал своим для приведенных, – промелькнула у него в голове злорадная, почти мазохистская мысль.

Но он тут же прогнал ее прочь. Нет, он не боялся бабушки, потому что она не могла причинить ему ничего плохого. Какая разница, в каком мире (или всего лишь в его больной голове) она находилась? Душа человека не может меняться после смерти. Как не стирается его память. Разве бабушка могла причинить ему вред? Нет, она лишь просила его о помощи. Просила защитить ее от ненавистного Прова. Знать бы только, кто он такой?

– Где мне искать этого Прова? – спросил он.

– Да где хочешь, дурак, – огрызнулась Юлька, приняв вопрос на свой счет. – Вылечись сначала. Я так старалась. Я уйду.

– Да, да, – рассеянно бросил Андрей, – конечно, иди, чего сидеть.

После таких слов взглядом, который девушка бросила на своего мучителя, можно было, как автогеном, резать углеродистую сталь. Разинув рот, чтобы не задохнуться от душивших ее рыданий, Юлька вскочила со стула, куда присела минуту назад и замерла на мгновение, ожидая, что Андрей бросится к ней извиняться.

Но ему было сейчас не до нее. Он снова обратился к фигуре в углу:

– Бабушка, скажи, где найти этого Прова? Кто он такой? Я его знаю?

– Ты колешься, – вмиг севшим от огорчения голосом констатировала Юлька.

Но Андрей не услышал ее слов. Так и не дождавшись извинений, Юлька, прижав ладони к пылающим щекам, выскочила в коридор.

Полоса света, который она включила в коридоре, ворвалась в кухню с внезапностью волны, взломавшей сопротивление плотины. Желтый поток залил угол и захлестнул стоящую там фигуру. Андрей невольно дернулся вперед, чтобы сдержать свет, загородив бабушку своей тенью. Но было поздно.

Еще несколько мгновений – и свет погас. Юлька педантично выключила его, перед тем как покинуть ненавистную ей сейчас до глубины души квартиру. И хлопнувшая дверь возвестила об ее уходе.

Во вновь наступившей полутьме Андрей стал напряженно вглядываться в дальний угол. Но там больше никто не появился. Решив не искушать судьбу (еще неизвестно, кто мог прийти к нему из темноты), он встал и зажег верхний свет. Это не принесло ожидаемого спокойствия. Еще более, казалось, сгустившаяся тьма в коридоре вызвала у него новый приступ необъяснимого страха. А нахлынувшая в очередной раз тошнота заставила зайти приступом удушливого кашля, от которого заломило грудь.

Прижав руку к груди и тяжело хватая ртом воздух, он почти заставил себя пройти в коридор. Щелчок выключателя показался ему оглушительным. Но темноте пришлось отступить в комнату. Андрей проследовал за ней. Он не хотел дать своему врагу ни единого шанса. Он собирался изгнать его из своей квартиры полностью и окончательно.

Вслед за комнатой осветилась ванная. Вернувшись в коридор – стратегическую точку, которая позволяла одним поворотом головы заглянуть во все помещения компактной квар-

тиры, Андрей торжествующе оглядывался по сторонам. Темноты больше не осталось у него в доме.

А если свет начнет гаснуть? Эта мысль внезапно пришла ему в голову, когда он вспомнил о курилке. Ведь там произошло именно это. И что тогда? Что ему делать? Что вообще делать с тем, кто может заставить без всяких выключателей и реостатов медленно угаснуть электрическую лампочку?

И эта тошнота. Хотя теперь, когда он отведал Юлькиной стряпни, для нее было вполне естественное основание. Вернуть Юльку, чтобы не ночевать одному? Андрей представил, как звонит ей на мобильный, кается во всех смертных грехах и просит вернуться. Она вернется. В том нет сомнений. Но когда он представил себе торжествующий вид подруги, его затошнило еще больше.

Пойти к родителям? Он уже думал об этом по дороге домой. Но по подоконникам вновь барабанил проливной дождь. Вызвать такси? Но как он узнает, что это обычный таксист, а не один из «них». Теперь он боялся всех незнакомых людей. В сравнении с автомашиной на залитых водой и оттого пустынных улицах квартира казалась менее уязвимой. Да, он останется дома. Так будет лучше. Хотя он не был в этом уверен. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что уснуть ему сегодня не удастся.

Глава 6

Было около полуночи. Андрей сидел на ярко освещенной кухне. На плите закипал чайник. В его выпуклых никелированных боках комната отражалась изуродованной, словно искаженной гримасой боли. А сам чайник походил при этом на коробку, в которой кипятят хирургические инструменты. Как же она называется? Андрей никак не мог этого вспомнить. Впрочем, неважно. Если его болезнь будет прогрессировать, он скоро сам сможет спросить об этом у медсестры, когда та придет в палату делать ему очередной укол. Возможно, его привяжут к этой самой кровати ремнями, чтобы он не отбивался. И тогда проклятый богом и людьми Пров безнаказанно подкрадет к нему. Он уже ощущал его холодные и скользкие пальцы у себя на шее.

Андрей вздрогнул и огляделся по сторонам. Все было спокойно. Но такое спокойствие обычно называют обманчивым. Что-то наваливалось ему на грудь, давило, заставляло тяжело дышать. И, как казалось, только кружка горячего чая сможет унять ту тошноту, что не отпускала его весь день.

Чайник засвистел. Звук, который он издавал, был резким и наяранным. Как будто чайник звал на помощь. Чтобы его сняли с плиты, прекратив тем самым адские муки, которые он испытывал. Андрей невольно напряг слух. Точно ждал, что кто-то или что-то отзовется из комнаты. И уже его самого посадят на эту плиту.

Он встал, снял чайник и выключил газ. Превозмогая страх, прошел в комнату и взял телефон. Почему он позволил Юльке уйти? Ему нужен был сейчас живой человек. Даже бесконечные описания подружкой того, что она видела в магазине, были бы ему сейчас в радость. Она нормальный человек. Она не стала бы трястись от страха, поворачиваясь спиной к дальнему углу комнаты. Страх приходит только тогда, когда ты начинаешь бояться. Они выползают из щелей, выглядывают из-под кровати...

Кляня себя за малодушие, Андрей бросился на кухню бегом. Там ему было спокойнее. Он сам не мог объяснить почему. Он надеялся на то, что родители еще не спят. Набранный номер долго не отвечал. Наконец он услышал голос матери.

– Мам, послушай, ты не знаешь, кто такой Пров? – спросил он ее, стараясь при этом, чтобы его голос звучал как можно непринужденнее. – Засело вот в голову имя. Прямо навязчивая идея. Не могу отделаться. Бабушка, когда... я к ней ездил в последний раз, говорила о каком-то Прове. Не могу вспомнить в связи с чем. Вертится в голове и вертится.

– Андрюша, – вздохнула мама, – тебе больше делать нечего, как звонить ночью с такими вопросами?

– Ну мама...

– Ладно, ладно. Я думаю, думаю. Пров, говоришь?

– Да, Пров.

От одного упоминания вслух этого имени у Андрея по спине поползли мурашки. Как будто он сам звал его. Просил прийти, появиться.

– Вий, Вий, позовите Вия! – вспомнилось ему.

Нарисовать вокруг себя круг мелом? Хотя от Вия он как раз и не помог. Дался ему этот Вий. Ему Пров нужен. Вернее, не нужен он ему. Ему нужно лишь узнать, кто он такой.

– Я вспоминаю только одного Прова, – услышался в трубке голос матери.

Андрей вздрогнул. Неужели? Все, оказывается, было так просто. Надо было только спросить маму. Сейчас ему казалось, что, возможно, бабушка действительно упоминала это имя при жизни. Тогда все объяснимо: нехороший сон, легкое расстройство сознания. И в голове его смешались бабушка и имя Пров. Сейчас мама скажет ему, кто он был такой.

– Ну? – спросил он с нетерпением.

– Да, только одного Прова, – задумчиво, очевидно, все еще перебирая в мыслях воспоминания, проговорила мама. – У Некрасова, в «Кому на Руси жить хорошо». Помнишь начало? «В каком году – рассчитывай, в какой земле – угадывай...» Дальше не скажу дословно. Но там был Пров. Эту фразу я помню точно: «А Пров сказал: царю...»

– Мама! – взмолился Андрей.

– Что? Ты же сам просил меня вспомнить, не знаю ли я какого-нибудь Прова.

– Мам, реального Прова. Я же сказал, что о нем говорила бабушка.

– Она вполне могла цитировать тебе Некрасова, – резонно заметила в ответ телефонная трубка. – Твоя бабка, между прочим, если ты не забыл, отработала тридцать пять лет учительницей русского языка и литературы.

– У-у-у-у, – завыл от бессилия Андрей.

– Чего ты воешь, дитятко? – огрызнулась мать. – Убаюкать тебя, что ли? Юльки с тобой нет?

– Нет, – буркнул Андрей.

– А что так? Она сегодня мне звонила. Спрашивала, сколько минут нужно жарить мясо. Андрей фыркнул.

– И зря фыркаешь. Она старается.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Андрей.

Ему почему-то стало жалко Юльку. И он понял, что зря не удержал ее сегодня. Бог с ним, с горелым мясом. Но мысли его тут же вернулись к главному предмету его разговора с матерью.

– Но мам, – протянул он обиженно, – может, был какой-то Пров в нашей семье, в Таганроге, где вы жили?

– Может быть, в Таганроге и был какой Пров, – фыркнула трубка. – На триста тысяч населения. Видишь ли, я не всех там знала.

– Ну постарайся вспомнить. Бабушка могла с ним работать. Или он жил по соседству. Кто-то, о ком бабушка могла говорить со мной. Только не литературный герой, я тебя умоляю.

– Ладно, ладно, я подумаю еще, – согласилась мама.

– Ну? – нетерпеливо переспросил Андрей после минутного молчания в трубке.

– Не торопи меня. Эта трубка возле уха меня раздражает. Дай мне спокойно подумать. Если я вспомню что-нибудь, я тебе перезвоню.

– Хорошо, – неохотно согласился Андрей.

Он выключил телефон, уже не надеясь на помощь матери. Ее предложение подумать слишком смахивало на желание отделаться от него и его глупых полуночных просьб.

Но Андрей ошибся. Не успел он допить свой чай, как телефон разразился тревожными переливами. Неужели ему повезло, и мама действительно вспомнила о каком-нибудь соседском одноногом инвалиде Прове? Или о мальчишке, с которым ходила в детский сад?

– Да? – почти крикнул он в трубку, даже не взглянув, кто звонит. – Вспомнила?

– Пров, – просвистела трубка.

Первую секунду Андрей все еще думал, что это мама. Что ее голос просто исказила некачественная связь.

– Тебя плохо... – начал было он, но сказать «слышно» не успел.

– Пров, найди Прова, – засвистела трубка.

В глазах у Андрея потемнело. Он тут же испуганно вскинул взгляд к потолку: не гаснет ли люстра, как сегодня днем лампочка в курилке? К счастью, ничего сверхъестественного не происходило.

– Это просто от страха, – стал убеждать он сам себя шепотом, – нужно глубоко дышать.

– Найди Прова, – не унималась трубка, которую Андрей все еще продолжал держать возле уха.

– Кто вы? – спросил он, адресуясь к неведомому мучителю и не ожидая получить от него вразумительного ответа.

– У меня много имен.

– Так назови хоть одно.

– Ты сам его знаешь.

– Знаю, – прошептал Андрей, – шизофрения. Вот как тебя зовут.

Он прервал разговор и положил трубку на стол. Ему хотелось зашвырнуть ее подальше. Но руки не слушались. Что теперь делать? Шизофреники, говорят, слышат голоса. Но телефон. Как мог зазвонить телефон? Или это ему почудилось? А если нет? Тогда что – его выследили? Кто и зачем? И куда бежать? Они знают о нем все. Хотя, собственно говоря, что такого они могут о нем знать? Ничего тайного у него в биографии нет. И секреты родины он не выдаст просто потому, что их не знает. И миллион долларов он мафии не заплатит. Потому что у него нет таких денег. Он не интересен спецслужбам и бандитам. И кто же тогда его мучает?

Причем он с полной ясностью понимал, что ни погасшая в курилке лампочка, ни девицы с острыми клыками, ни призрак бабушки никак не вязались с какой-нибудь бандой, которая по непонятным и абсолютно извращенным причинам могла его преследовать.

Приходилось признать свою неменяемость. Но как бороться с душевной болезнью, которая захватила тебя настолько, что подменяла физические ощущения? Пойти в больницу и все рассказать? Бред какой-то. Он навсегда испортит себе жизнь. Тогда что?

Человеческое сознание – сложная штука. Может быть, его наваждение связано с какими-то реальными событиями? Теперь ему и самому уже стало казаться, что бабушка упоминала при нем какого-то Прова. Давно, в его детстве. Родители постоянно мотались по командировкам. И до школы он почти все время жил у бабушки в Таганроге.

Конечно же, он не мог теперь помнить все, что ему тогда говорили, о ком рассказывали. Что-то напугало его? Какая-то история, рассказанная бабушкой? Вполне возможно, что теперь, когда здоровье его пошатнулось (непрекращающаяся тошнота не позволяет в этом сомневаться), детские страхи выплыли наружу. Нужно их восстановить. Тогда, возможно, у него хватит сил справиться с болезнью. «Вернуться к источнику страха», – сказал у него в голове внутренний голос. Но не тот мерзкий и свистящий, который требовал от него розыска треклятого Прова, а вполне нормальный внутренний голос, какой обычно еще называют здравым смыслом.

И тут приходилось ждать помощи лишь от бабушкиной сестры – бабы Вали. Только она могла помнить старые и всеми другими забытые разговоры. У стариков хорошая память на прошлое. Оставшись в старых девах, баба Валя всю жизнь прожила возле сестры. И если был в сундуках семейных историй какой-то Пров, она должна была о нем знать.

С одной стороны, план поехать в Таганрог выглядел диковатым. От него пахло капитуляцией. Как будто Андрей уступал требованиям мучавших его видений. С другой стороны, он отправлялся на поиски Прова совсем не в том смысле, которого требовали от него видения и голоса. Ничего мистического и таинственного. Он просто выяснит у бабы Вали, кто был этот человек и в связи с чем бабушка могла ему о нем рассказывать. Тогда все должно было встать на свои места. По крайней мере, Андрей на это очень рассчитывал.

Может быть, даже не в Прове дело. Андрей уже два года не был у бабушки на кладбище. Надо бы проведать. Говорят же, что умершие зовут живых к себе на могилы, когда те слишком долго к ним не приходят.

У Андрея оставалось еще две недели от отпуска. Он, правда, хотел взять их к Новому году. Но теперь ему было не до праздников. Еще неизвестно, доживет ли он до них, если не сможет справиться со своим недугом. Он завтра же напишет заявление. Начальство ему не откажет. Его уважают. Впрочем, это вранье. Никто его на работе не уважает. Ему не откажут единственно потому, что ни один дурак не будет брать отпуск сейчас, мерзкой и дождливой поздней

осенью. И если он добровольно хочет поменять свой новогодний отдых на это межсезонье, то кто, скажите, будет ему в этом препятствовать?

Прижавшись спиной к стене, Андрей пил чай на ярко освещенной кухне. И с каждым глотком его решимость куда-то исчезала. Она словно растворялась в желтом свете люстры. И поездка в Таганрог уже не казалась ему логичным выходом из сложившейся ситуации. Вдруг в дороге ему станет хуже? А если ему не мерещится, и за ним действительно кто-то следит? Тогда оставлять город было просто опасно.

Но что еще ему оставалось делать? Пойти к психиатру? Южный уютный город был намного привлекательнее обшарпанных больничных стен. В любом случае встать на учет в психдиспансере он всегда успеет. С таким делом не торопятся. Не разумнее ли сначала попытаться самому, без помощи врачей восстановить душевное равновесие?

– Никуда не деться, – бормотал он, убеждая самого себя в им же самим принятом решении, – надо ехать.

Глава 7

Вагон резко дернулся, как будто был приклеен к рельсам и тепловозу пришлось отрывать его. Перрон с морем зонтов медленно поплыл назад. Андрей невольно вздохнул с облегчением. Несмотря на толпы народа, вокзал вызывал в нем безотчетное чувство страха. Он приехал туда часа за два до отправления. На это у него было несколько причин. Во-первых, он боялся идти по улице в сумерках. Лучше уж было пересидеть их на вокзале. Так, по крайней мере, ему тогда представлялось.

Во-вторых, он опасался неожиданных встреч. От шума шин по мокрому асфальту его пробивала дрожь. Новая встреча с велосипедистом не сулила ничего хорошего. И он оставил себе запас времени на тот случай, если придется спасаться бегством, менять маршруты троллейбуса и ехать в противоположном направлении, чтобы запутать преследователей. Что-то, правда, смутно подсказывало ему, что таких преследователей вряд ли можно запутать. Особенно, если они – плод его больного воображения. И все же он был готов к тому, чтобы хотя бы попытаться обезопасить себя при развитии событий по наихудшему сценарию.

Однако ничего неожиданного не произошло. Дождь сменился отвратительным мокрым снегом, который таял, едва прикоснувшись к земле или одежде. Ботинки Андрея промокли еще до того, как он дошел до остановки. Он не взял зонтик, чтобы тот не помешал ему в случае неприятной встречи. И по лицу его стекали противные холодные струйки. Если не считать этих мелких неудобств, он добрался до вокзала без осложнений. Но огромное здание, наполненное снующими во всех направлениях людьми, внезапно напугало его. Он никак не ожидал подобного. Он резонно считал, что в окружении толпы будет в безопасности. Но шорох шагов и голоса, сливающиеся в один нестройный гул, заставили все его органы чувств напрячься.

Делая вид, что ждет кого-то, Андрей присел на лавку в зале ожидания и нервно оглядывался по сторонам. Ему казалось, что за ним все время кто-то наблюдает. Может быть, с соседних рядов? Или из дальнего угла зала? Возможно, от билетных касс или из-за стенда с расписанием поездов? Он старался нащупать этот взгляд, поймать его, чтобы увидеть своего преследователя, но ему этого никак не удавалось.

Навязчивая идея? Мания преследования? Наверное. Он боялся даже не столько того, что кто-то нападет на него здесь. Нет, его страшила одна только мысль, что его выследили. И сейчас ему представлялось, что сделать это не составляет никакого труда. Самому себе он казался огромным. Любой заметил бы его в какой угодно толпе. Он выламывался из нее, как нечто инородное. Его не надо было даже искать глазами. Достаточно было проследить за взглядами других людей – все они были прикованы к нему.

Заставив себя мыслить здраво, Андрей сделал несколько глубоких вдохов и подчеркнуто лениво в очередной раз повел взглядом по сторонам. Все были заняты своими делами. И он никому не был нужен. Никто не собирался рассматривать его. А если чей-то взгляд и скользил по его лицу, то это был ничего не выражающий взгляд человека, не знающего, чем себя занять в ожидании нужного поезда.

– Успокойся! – мысленно приказал себе Андрей и посмотрел на часы.

До отправления оставалось еще около часа. И он вдруг понял, что ему ужасно хочется курить.

Андрей вышел на перрон. Холодный воздух подействовал на него успокаивающе. Снег не прекратился. Но ветер почти стих. И под накрывавшим перрон козырьком было сухо. Андрей поставил сумку себе под ноги и медленно, наслаждаясь самой возможностью занять себя делом, достал из кармана нетронутую пачку сигарет, аккуратно распаковал ее и, сложив большой и указательный пальцы щипчиками, вынул из нее сигарету.

После первой же затяжки вся ситуация предстала перед ним уже не в столь мрачных красках, как еще несколько минут назад. Чего, собственно говоря, он боится? От чего бежит?

– Молодой человек, – послышался женский голос.

Андрей оглянулся. Это его? Да, наверняка его.

– Молодой человек, – повторила толстая тетка, волочившая за собой, как большую и упирающуюся собаку, огромную черную сумку, водруженную на двухколесную тележку, – здесь будет посадка на таганрогский?

– Здесь, – буркнул Андрей, подозрительно взглянув на свою собеседницу.

Его слегка улучшившееся настроение вновь упало. Как будто маленький человечек, борясь за свою жизнь, карабкался, цепляясь за стены, вверх из темного бездонного колодца. И когда его голова вот-вот должна была показаться над поверхностью, его рука неожиданно соскользнула с мокрого камня, и он вновь полетел вниз, на самое дно – черное и зловещее.

Впрочем, в толстой тетке не было ничего необычного, тем более опасного. Да и ее вопрос не мог вызвать никаких подозрений. Она заранее вышла на перрон, чтобы не отстать потом со своей огромной и неуклюжей сумкой. Андрей старательно убеждал себя в этом. Но вернувшись к нему тревога больше не отпускала его. К тому же от курения его вновь сильно затошнило. А еще он вспомнил, что забыл взять с собой в дорогу не только поесть, но даже попить. Однако возвращаться в сырое нутро вокзала ему не хотелось.

Зябко поездиваясь в мокрой куртке (все же хорошо, что он надел куртку – пальто промокло бы уже насквозь, а куртка еще хранила в себе хоть какие-то остатки тепла), он напряженно оглядывался по сторонам. Перрон мало-помалу заполнялся людьми. Какие-то дядьки пили пиво, расставив бутылки на мраморном парапете, который обрамлял выход из туннеля, ведущего в недра вокзального комплекса. Молодая пара с надрывом целовалась. Как будто парнишка собирался затем бросить подружку под колеса состава. Кто-то смеялся – нервно и неестественно. Так смеются, когда хотят показать, что им весело.

В другое время Андрей не обратил бы на это никакого внимания. Но теперь все казалось ему подозрительным, все раздражало. В каждом он видел угрозу. Почему тетка спросила про таганрогский поезд именно его? Сколько можно целоваться этой парочке? Может быть, они следят за ним? Все. И эта тошнота – не признак ли она надвигающейся опасности? Андрей напрягся всем телом, в любое мгновение готовый дать отпор или броситься бежать – глядя по обстоятельствам.

Подали состав. Причем не так, как все ожидали, – не с головы, а с хвоста. И люди стали сновать вдоль поезда, отыскивая свой вагон. От карусели лиц, сумок, чемоданов, баулов и непонятных постороннему обрывков фраз у Андрея закружилась голова. Он хотел попросить о помощи, но побоялся. Кто поверит, что молодому и вполне здоровому на вид человеку вдруг стало плохо? Скорее решат, что он наркоман. Или сумасшедший. Второе предположение, впрочем, наверняка недалеко от истины. Но тем более не стоит привлекать к себе лишнего внимания. Надо собраться и во что бы то ни стало заставить себя добраться до своего места.

Когда он в конце концов плюхнулся на свою полку, ему действительно стало легче от физической ограниченности пространства. Плацкартный вагон, набитый людьми и заставленный багажом, сидел на нем, как туфли по ноге. Здесь не оставалось дистанции, воздушной перспективы на то, чтобы что-то рассматривать. Не надо было опасаться взгляда откуда-то издалека. Все, кто так или иначе имел возможность наблюдать за тобой, находились в досягаемости руки. И от этого за ними легко было уследить.

В своих попутчиках Андрей не нашел ничего подозрительного или опасного. Старуха с девочкой-подростком – наверное, внучкой. Они сразу распаковали пакеты с домашней снедью и принялись ужинать. Как будто ехали издалека и уже давно были в дороге. Наблюдая за ними, Андрей снова вспомнил, что не взял с собой никакой еды. Сейчас этот факт несколько его не огорчил. Он все равно не смог бы проглотить ни кусочка. Одного взгляда на пищу было

достаточно, чтобы это понять. Тошнота подступала волнами к горлу. Лучше лечь на полку и лежать пластом. Как на судне во время качки. Он сам, правда, никогда не выходил в море. Но читал где-то о способах борьбы с морской болезнью. Да, собственно говоря, про это все знают. Даже неизвестно откуда.

С другой стороны, у него ведь не морская болезнь. Его не укачивает. И его тошнота имеет поэтому другую причину. Какую? Он не мог на это ответить. Хотя мог поразмышлять по этому поводу, чтобы скоротать время. Когда ты лежишь, вытянувшись на полке в несущемся по рельсам вагоне, у тебя есть бездна времени для размышлений.

Прежде чем забраться наверх, Андрей еще раз внимательно оглядел своих соседей. Четвертую полку в купе занимала слегка располневшая женщина средних лет. Она сидела возле окна, откинувшись на вагонную переборку, и неотрывно смотрела в черноту окна. Что она могла там разглядеть, кроме мелькающих, словно лампочки елочной гирлянды, огоньков, проносящихся мимо? Наверное, она тоже коротала время, размышляя о чем-то своем. И ей при этом было мало дела до своих соседей. На боковых полках, правда, пристроились два парня. Но они вскоре после отправления пустились на поиски своих приятелей, которым достались места в другом вагоне: то ли пятом, то ли пятнадцатом – тут у них вышел спор. И зеленая змея извивающегося по рельсам состава поглотила их в своем чреве.

Андрей лег. Вытянуться на полке, впрочем, не удалось. Он упустил из виду этот момент. Полка была короткой и неудобной, как прокрустово ложе. Лежать на ней можно было либо на спине, согнув ноги в коленях, либо на боку, скрючившись и поджав все время оказывавшиеся лишними ноги под себя. Что в одной, что в другой позе нельзя было выдержать более десяти минут. Все тело затекало, и только напряжением воли можно было заставить себя не шевелиться. Еще через несколько минут уже нельзя было думать о чем бы то ни было, кроме смены положения тела.

Проворочавшись так час или два, Андрей окончательно отчаялся найти хоть сколько-нибудь удобное положение и тупо уставился на нависшую над ним багажную полку. Он напоминал себе покойника, лежащего в гробу и рассматривающего крышку своего последнего пристанища. Впрочем, покойники не лежат, согнув коленки.

– Даже к ним проявляют большее уважение, чем к пассажирам плацкартных вагонов, – невольно подумал Андрей не без доли злорадства.

Ему решительно нечем было заняться. Хотелось курить. Но он боялся выйти в тамбур. Кто знает, кого он мог там встретить. Бабушка была еще не худшим вариантом. Ее он больше не боялся. По крайней мере, понимал, что она не желает ему зла.

Он невольно прислушался к мерному перестуку колес: так-так, так-так, так-так. Они словно отсчитывали время. Затем его внимание привлекли голоса внизу. Вернее, голос. Общение попутчиков вряд ли можно было назвать разговором. Внучка, похоже, вообще не принимала в нем участия. Что до ее бабушки, а этот неприятный скрипучий старческий голос, по видимому, принадлежал ей, то она лишь изредка вставляла короткую реплику в монолог полноватой женщины (больше в купе никого не было).

– Далеко, – проскрипела старуха.

– До Южно-Сахалинска самолетом, – как бы подтверждая дальность поездки, наверное, уже не в первый раз объяснила женщина, – а дальше еще три часа вертолетом. В рабочий поселок. Сроднилась я с этим маршрутом. Почти каждый год туда езжу из Таганрога к сестре на могилу.

Старуха в ответ что-то невнятно хмыкнула. Может быть, просто вздохнула.

– Завез, – вновь подхватил женский голос, – Степан. Приехал к нам на море отдыхать. Познакомился с сестрой и увез. На этот самый Сахалин. Воистину край земли. Крайнее некуда. Ничем не доберешься, не доедешь. Кроме самолета. Мать, когда провожала, плакала. Точно навсегда просталась.

– Так и вышло, – резюмировала старуха.

– В конечном счете – да, – согласилась женщина. – Первое время они, конечно, приезжали. Не каждый год, но все же. А потом он погиб. Степан. И так как-то по-глупому. Поехал зимой с другом на рыбалку и замерз. Буран был. Заблудились они. Нашли через неделю. Я тогда Любке говорила, чтобы возвращалась, не оставалась там одна.

– Как же, у могилы, – снова скрипнула старуха.

– Вроде того, – с усилием, как будто реплика собеседницы была ей неприятна, но желание выговориться все же заставило ее продолжить, произнесла женщина. – А мы все звали ее – мама и мы с мужем. Почти убедили. Она уже совсем засобиралась. Но не пришлось.

– Рак? – как будто даже с удовлетворением предположила старуха.

– Нет, сердце, – вздохнула женщина. – Инфаркт, наверное. Точно так никто и не определил. Какие там врачи – в поселке. Мы даже на похоронах не побывали. Не доехать туда быстро. Так что теперь у нас там две могилки. У Степана родственников никаких. Там, на Сахалине, я имею в виду. Мать у него где-то в Тамбовской области, в деревне. Да разве старушка оттуда поедет через всю страну. А я вот езжу к сестре. Пока здоровье есть и финансы позволяют. Почти каждый год. В порядок могилки привести...

– Проведать, – поддакнула старуха.

– Проведать, – согласилась женщина. – За тридевять земель. И кто бы мог подумать, что наша Любушка... – голос женщины дрогнул, – упокоится в такой дали. Кто бы мог такое предположить.

– Это жизнь, – заметила старуха.

– И смерть, – всхлипнула ее собеседница. – Десять лет прошло. Никак не могу с этим смириться. Принять это. Поверить. Кажется, вчера девчонками были, в школу бегали. И ничего не вернуть. Никогда...

Старуха, видимо, не нашлась, что ответить. И внизу воцарилось молчание. Андрей лежал и думал о своей попутчице, что ездил на могилу сестры через всю страну. А он? До Таганрога поездом меньше суток. Давно надо было проведать бабушку. Еще раз убедив самого себя в целесообразности и разумности своей поездки, он немного успокоился. Мерный перестук колес и убаюкивающее покачивание вагона отчасти компенсировали кургузую полку. И он забылся тревожным сном.

Проснулся он внезапно. Как от толчка. Сам не понимая, что его разбудило. Он лежал тихо, словно ожидая чего-то. Вагон не трясло. Должно быть, поезд стоял на какой-то станции. В купе было темно. Наверное, их вагон, находящийся в начале поезда, протащило далеко от вокзала, туда, где уже не было перрона и фонарей. В плафоне в проходе едва теплилась его электрическая жизнь. Андрей лежал на спине, стараясь сообразить, что же все-таки его разбудило. Осторожно он скосил взгляд в сторону и вздрогнул. Старуха-попутчица стояла в проходе между полками и пронизывающим взглядом буравила Андрея. Наверное, этот цепкий взгляд и разбудил его.

– Пров, – прошептала старуха свистящим шепотом, – найди Прова.

Андрей хотел перекреститься, но рука не слушалась его. Он попытался спрыгнуть с полки и броситься бежать. Напрягся всем телом. Но затекшие от неудобной позы ноги были точно парализованными. Закричать? Но тошнота подкатила к его горлу с такой силой, что он понял, что, если раскроет рот, его просто вырвет. И он все равно не сможет выдавить из себя ни единого слова.

Безумными от ужаса глазами он смотрел на старуху. А та медленно протянула к нему свою костлявую руку. Андрея стал пробирать озноб. Тонкие и сухие, как веточки мертвого дерева, пальцы дотронулись до его плеча... В это время в коридоре вагона послышались громкие голоса. На них шикнул кто-то в соседнем купе. Другой голос сонно вздохнул где-то рядом:

– Господи, поспать не дадут.

И тут же в проходе появились их попутчики с боковых полок.

– Чего, мать, не спишь? – хихикнул один из парней, адресуясь к старухе.

– Соседа бужу, – ответила та.

– Что, проспал свою станцию? – весело, даже как будто с надеждой подхватил второй парень, разбирая постель на своей боковушке. Он обернулся и встретился глазами с Андреем: – Да он и не спит уже.

– Нет, не проспал, – отвечая на вопрос, продолжила старуха. – Да уж больно беспокойный сон ему, видать, привиделся. Она отдернула руку от Андрея и, адресуясь уже к нему, добавила: – Все бормотали вы: «Пров, Пров, найди Прова».

Озноб Андрея сменился холодным потом. Утерев лоб, он опасливо покосился на старуху и с усилием выдавил из себя:

– Спасибо, что разбудили.

– Чего-чего, а уж разбудить здесь всегда разбудят, – простонал сонный голос из соседнего купе.

Глава 8

Поезд медленно подполз к перрону и остановился, как будто окончательно выдохся. Андрей выскочил из вагона на перрон. Прошедшая ночь далась ему слишком тяжело. Он не был уверен в том, что старуха говорила правду, что она действительно хотела всего лишь разбудить его. Вполне возможно, она была одной из тех, кто преследовал его. Вряд ли теперь можно было говорить о галлюцинациях. Галлюцинации не занимают полки согласно купленным билетам и не ведут разговоры с соседями по купе.

Всю оставшуюся дорогу Андрей прилагал нечеловеческие усилия к тому, чтобы не заснуть. Но, как будто назло, сон стал одолевать его. Несмотря на неудобные позы, достойные экспоната кунсткамеры, которые он принимал, чтобы хоть как-то поместиться на прокрустовом ложе. Несмотря на то, что он тер глаза и щипал себя за руку. Сон все равно наваливался на него. И Андрей чувствовал, что остается беззащитным перед неведомой опасностью.

Так что теперь он постарался быстрее покинуть вагон, чтобы не остаться там невзначай один на один со старухой и ее не менее подозрительной внучкой. Вокзальная платформа была мокрой. Но дождя не было. По-видимому, он перестал как раз перед прибытием их поезда, потому что у многих встречающих были в руках закрытые, но не сложенные еще как следует зонты.

Из прорехи в тучах выскользнул робкий солнечный лучик. Андрей счел явное улучшение погоды добрым знаком. Он доехал от нового вокзала до Петровской и вышел из автобуса. Легкая, почти пустая сумка, перекинута через плечо, не тяготила его. И он решил пройтись по центру Таганрога пешком.

В южном приморском городе осенью и зимой как-то по-особенному грустно. Такую грусть принято называть светлой. Она не гнетет. Напротив, хочется упиваться ей больше и больше. Ей нельзя насытиться. Она наполняет душу легкостью и гармонией, как будто заполняя в ней оставленные жизнью трещинки и выбоины. Андрей шел по тихим центральным улочкам Таганрога, глубоко вдыхая влажный, пропитанный дождем и пахнувший прелыми листьями воздух. Это был город его детства. И сейчас возвращение в него было особенно приятным. Как будто он выполнял возложенный на него свыше долг. Он забыл о своих кошмарах, странных происшествиях последних дней, таинственном Прове, вокруг которого столь неожиданно закутилась вдруг его жизнь.

Еще несколько поворотов, и он будет на месте. Вот и трехэтажный дом, где живет бабушка Валя. Андрей вошел во двор, поднялся по обточенной временем лестнице подъезда. Здесь ничего не менялось десятилетиями. Казалось, он не был здесь не два года, а всего несколько часов. Что он просто вернулся с прогулки по городу. И только дорожная сумка на его плече напоминала о том, что он приехал издалека.

Впрочем, для бабушки Вали время, наверное, шло совсем по-другому. Она встретила Андрея так, как будто не видела лет десять. И только в этот момент он понял, как она одинока. Его психическая болезнь и странные происшествия, ее сопровождавшие, наверняка были для него божеским наказанием за то, что он забыл про старушку.

– Внучек, – встретила она его, – а что так долго добирался? Я тебя ждала раньше. Звонила на вокзал. Сказали, что поезд пришел вовремя.

– Прогулялся по городу, – пробормотал Андрей. – Хорошо у вас. А у нас все затопило, залило дождями.

– И у нас все время лило. Недели две, наверное. Только перед твоим приездом дождь и прекратился. Как специально подгадала небесная канцелярия, – объясняла старушка, пока он раздевался. – Обедать будешь?

– Угу, – кивнул Андрей.

Внезапно он понял, что очень голоден. Он поел вчера, перед уходом на вокзал. Прошло больше суток. Не смертельно, конечно. Да и не хотелось ему. Со всеми этими... приключениями. Слово «приключения» далось ему нелегко. Андрей долго подбирал его. Но сейчас все казалось уже не столь отвратительно жутким.

– Давай, давай, раздевайся, – торопила его бабушка Валя. – Чего стоишь?

– Да куда куртку-то лучше повесить? Сюда?

– Да куда твои глаза глянут. Ты здесь дома, – глаза старушки подернулись вдруг влагой. –

Эх, нет с нами моей сестрички Танюшки. Все прошло. И не вернуть теперь уже никогда...

– Бабушка... – ком стоял у Андрея в горле.

Он хотел сказать, что понимает, как ей тяжело, но не смог.

Глава 9

После обеда и горячей ванны настроение его улучшилось. И хотя в глубине сознания все еще беспокойно дрожал и бился безотчетный страх, он уже мог рассуждать здраво. И задача его согласно этому здравому рассуждению состояла в том, чтобы навестить одну старушку (эта часть программы уже была выполнена), сходить на кладбище к другой и по возможности успокоить нервы двумя неделями отдыха.

И все-таки одна мысль не давала ему покоя. Точно незаконченное дело – неприятное, гадкое, но от которого никуда не деться. Так бывает, когда, преодолев себя, вы приходите к зубному врачу, измученные болью, а он ставит вам временную пломбу и дает талончик на послезавтра. И три дня над вами висит этот дамоклов меч. Боли уже нет, но и спокойствия тоже. Неизбежность новой нервоотрепки не выпускает вас из своих цепких объятий ни на минуту.

Андрей чувствовал сейчас нечто подобное. Ему абсолютно не хотелось говорить с бабушкой о Прове. Но он понимал при этом, что не сможет уехать, не задав ей этот вопрос. Причем он даже не знал, какой ответ хотел бы услышать. Что она не знает никакого Прова? Это завело бы его в тупик. Все закончилось бы как-то просто и буднично, почти не начавшись. Если, конечно, навязчивые видения перестанут его мучить.

А если она знает о каком-то Прове? Что тогда? Понятно, что все будет зависеть от того, кем окажется этот человек. Вполне возможно, что было бы лучше и не знать о нем. Но без этого он не сможет считать цель своей поездки полностью достигнутой. В общем, круг замыкался.

Андрей сидел, глубоко погружившись в старое, продавленное и от этого ставшее бездонным кресло, и чувствовал, что тонет в своих мыслях. Они накатывали на него волнами одна за другой. Все по-своему убедительные. Конечно, бабушка не знает никакого Прова. Зачем спрашивать? Ни с того ни с сего. Что она подумает? Глупость какая-то. И уже в следующую минуту: а если все же знает? А он не спросит. Нет, обязательно нужно выяснить. Но очередная мысль тут же стирала следы, оставленные предыдущей. А хоть бы и знает она какого-то Прова, так что? Кем он может быть? Сапожником с соседней улицы, умершим еще до войны? Другом детства его бабулей? Что изменится, если он об этом узнает? Что это ему даст? Абсолютно ничего. Ничегошеньки. Промучившись так с час, Андрей понял, что спросить все же нужно. Если он хочет избавиться от потока сменяющих друг друга навязчивых мыслей. Бабушка как раз закончила свои дела на кухне и вошла в комнату.

Прежде чем он смог задать свой вопрос, Андрею пришлось долго и подробно рассказывать о своих делах на работе, о сослуживцах, о том, ждет ли его повышение, как складываются их отношения с Юлькой и здоровы ли его родители. Бабушка все спрашивала и спрашивала, а он говорил и говорил. И его собственный вопрос уже казался ему абсолютно ничтожным на фоне этого фундаментального блока информации.

Нет, он нисколько не обижался на бабушку. Напротив, отвечал на ее вопросы с готовностью и во всех подробностях. Это было самое малое, что он мог для нее сделать. Казалось, его жизнь интересовала ее гораздо больше, чем его самого. К тому же ее расспросы оттягивали тот момент, когда он должен будет задать свой единственный короткий вопрос. Почему он так боялся этого? Он не мог объяснить. Его страшил не столько вопрос, сколько смутное и нехорошее предчувствие относительно ответа.

Наконец бабушка Валя удовлетворила свое любопытство. По крайней мере, до следующего утра. Воцарившаяся в комнате тишина после бесконечных перекатов его собственного голоса неприятно поразила Андрея. Чувствуя, что отступить больше некуда, он тоскливо обвел глазами комнату. Как он не заметил, что уже стало смеркаться? За окном была синяя чернильная темнота, вспарываемая время от времени вспышками желтого света автомобильных фар.

– Ну, а у тебя как дела? – выдавил Андрей, давая себе несколько секунд на то, чтобы еще раз обдумать никак не дававшийся ему вопрос.

– Какие у меня теперь могут быть дела, – вздохнула старушка. – Жива – и слава богу. В моем возрасте большего желать нельзя.

Андрей напряженно наморщил лоб. Он не любил подобных рассуждений. Впрочем, исправить бабушкин пессимизм вряд ли было возможно. И он, выглянув еще раз в окно, как бы невзначай спросил:

– Слушай, а ты не знаешь никакого Прова?

– Прова? – голос бабушки дрогнул.

– Да, – подчеркнуто равнодушно подтвердил он.

– А ты откуда о нем слышал? – как-то подозрительно осведомилась старушка.

К горлу Андрея вновь подкатила вчерашняя тошнота. Только теперь он понял, что все это время, сам того не сознавая, хотел, чтобы бабушка сочла его вопрос странным, удивилась и отмахнулась от него. Глупое желание. Подобное развитие событий не избавляло его от кошмаров и странных встреч. А самое главное – исчезла бы последняя надежда выяснить источник всех бед. И все же он почувствовал тревогу, когда баба Валя восприняла его вопрос настолько серьезно. Андрей вздохнул, как будто удивляясь ее реакции, и бросил небрежно:

– Да вспомнил просто. Бабушка мне что-то о нем говорила.

– Да? – удивилась старушка. – И что же?

– Да не помню я, – искренне возмутился Андрей.

Он не стал уточнять, что бабушка попросила его разыскать Прова. Причем всего пару недель назад. Иначе говоря, спустя три года после смерти.

– Мне о Прове рассказывал отец перед самой своей смертью, – вздохнула его собеседница. – Мы тогда жили Митрошине, а Танюшка уже работала в Курске. До этого отец никогда о Прове ничего не говорил. Мне, по крайней мере. Да он вроде и сам им только в последний год своей жизни заинтересовался. На свою погибель. А я тогда еще девчонкой была. Его не стало, когда мне двенадцать было.

– Прова? Кого не стало? – не понял Андрей.

– Отца моего, – грозно взглянула на него старушка, – твоего прадедушки.

– А Пров-то кто такой? – возмутился Андрей, чувствуя, что начинает раздражаться.

Нет, он злился не на бабушку, а на самого себя. Отчасти за то, что вообще затеял этот разговор. Отчасти за то, что, возможно, разгадка его психоза была так близко, но он никак не мог ее добиться.

– Кто этот Пров? – повторил он настойчиво.

– Мне непонятно, – задумчиво протянула баба Валя, устремив старческий, с прищуром взгляд в темноту окна, – откуда Танюшка могла знать о нем? Может быть, отец все же рассказывал ей о Прове и раньше? Когда я была еще слишком мала, чтобы что-то понять? А потом уже решил...

– Давай про Прова, а? – простонал Андрей.

– Нет уже моей Танюшки на свете, – всхлинула бабушка, смахивая с глаз слезинки, – и никто мне уже ничего не скажет.

Андрей подождал, пока бабушка немного успокоится, и продолжил свои расспросы:

– А тебе твой отец что про него говорил?

– Да я мало что помню, – вздохнула старушка, – мала я была, чтобы запоминать. Я потому и подумала, что Танюша тебе что-то большее рассказала. У тебя хотела узнать.

– Нет, нет, – поспешно отмахнулся Андрей, – она лишь упомянула имя. Сказала, что Пров во всем виноват. Что-то в этом духе.

– Конечно, виноват, – фыркнула бабушка, – еще бы. С него у нас все и пошло наперекосяк. Темная история.

– Ну? – поторопил вновь замолчавшую бабулю Андрей.

– Да что рассказывать-то? – опять вздохнула та. – Пров – это проклятие нашей семьи. Мой прапрадед. А тебе он, стало быть, прапрапрадед.

Андрей невольно вздрогнул. Покойной бабушке вполне пристало вспоминать именно такие личности, но вот его собственные поиски Прова, мягко говоря, весьма усложнялись. Уж не звала ли его бабушка к себе? Может быть, он тяжело болен? Говорят же, что покойники приходят за своими родственниками.

– Наша фамилия когда-то была Киржаковы, – задумчиво продолжила тем временем бабушка. – В девятнадцатом веке. Прапрадед мой двадцатых-тридцатых годов рождения. А само дело было, когда он уже имел семью, двух детей. В общем, где-то незадолго до отмены крепостного права. Но сам он крепостным не был. Он был однодворцем. Хозяйство у него было крепким. Как сказали бы большевики, – кулацким. Все у них было – и крепкий дом, и скотина...

– Ничего себе «плохо помнишь», – удивился Андрей.

– Да тут и помнить нечего, – отбрила его бабушка. – Отец мой был в их породе. Только время ему досталось не то. Впрочем, и Пров свое упустил. И как-то сразу. Тут-то я и не помню. А, может быть, отец и не рассказывал мне подробно.

– Может, и сам не знал? – предположил Андрей.

– Может, – согласилась бабушка. – Да только что-то там произошло. Что-то Пров сделал, что попал в крепостные. Продал себя и всю семью в рабство к местному барину. И фамилия у нас Холоповы оттуда. Прозвали.

– Да как же это произошло? – вздрогнул Андрей.

– Не знаю, – вздохнула старушка. – Человек он, Пров этот, насколько я поняла из рассказов отца, был мучимый страстями. И все-то ему не жилось спокойно. Пускался во все тяжкие. Как он продал свою душу барину? Кто теперь знает. Может, и говорил про то отец, да я позабыла. Я тогда девчонкой была. Нужны мне были его рассказы аж некуда. Но как-то задолжал предок наш барину. Какую-то авантюру прокрутил. Да не вышло у него. И пришлось отдать все, вплоть до собственной семьи и себя самого.

– М-да, – Андрей чувствовал, что ему стало совсем нехорошо.

– Но и это еще не все, – продолжила наконец-то разговорившаяся старушка. – Когда Пров понял, что потерял свободу, он сбежал. Исчез. То ли нашли его потом мертвым, то ли нет – я не знаю. Знал ли отец вообще про это? Но моя прапрабабка, его жена, покончила с собой. Вот это я точно знаю. Барин Леопольдов – да, по-моему, так была его фамилия, местные баре – приехал забирать семью, чтобы перевезти ее под Воронеж. Там у него тоже было какое-то поместье или деревенька. А она, как увидела его бричку, так бросилась якобы из избы прямо в ночной сорочке. И к реке. Под лед ушла.

– Так, может, она убежать хотела? – предположил Андрей.

– Вряд ли. Куда убежит баба от властей? Послали бы полицию за ней. Нашли бы. Поймали. В сорочке и босой по снегу много не побегаешь. В общем, вмиг остались двое ребятишек круглыми сиротами.

– Их дети?

– Да. Девочку звали Люба. А мальчика – Ваня. Вот этот Ваня был моим прадедом.

– Так увез их барин?

– Увез. А куда их было девать? Определил в семью. Тоже крепостных. А те их и прозвали Холоповыми. Потому что сами-то они испокон веков в рабстве были. А эти сами на себя ярмо надели. Хотя, конечно, в чем была вина детей? Отец им такой достался.

– Но вы-то с бабушкой из Курской области...

– Ваня потом вернулся в родные места. Крепостное право уже отменили. Так что он был волен ехать, куда пожелает.

– И он поехал назад?

– Да. Не знаю почему. Собственно говоря, его там никто не ждал. Дом их давно обветшал. Родственников не было. Потому что жили они особняком.

– Бабушка, – Андрей смутно уловил в рассказе старушки логическую нестыковку, – а сколько Ване этому, прадеду твоему было, когда все это произошло?

– Как я сейчас понимаю, года четыре. Да Любка была на год или два его старше.

– Так откуда ж тогда вся эта история известна в таких подробностях? Если мать детей, ты говоришь, покончила с собой. А отец пропал. Неужели такие маленькие дети могли что-то запомнить, чтобы рассказать потом своим детям?

– Не знаю, вряд ли, – согласилась баба Валя. – Но я помню, что вроде отцу моему кто-то все это рассказывал. И не его отец, мой дед. Тот рано умер. Я его не знала. А отец мой, я тебе говорила, заинтересовался историей семьи уже незадолго до войны и своей гибели. Он как-то поехал в Курск по делам и вернулся сам не свой. Какой-то взвинченный. На него это было не похоже. Но ничего не сказал тогда. Потом еще пару раз ездил в город. Говорил, что кое-что хочет выяснить о семье. О ее истории. Мол, ему интересно самому. И вот затем уже он как-то мне рассказал то, что я тебе сейчас передала. Как запомнила, конечно. Может, он что-то еще мне говорил. Но уж много лет прошло. Пару раз заводил он со мной этот разговор.

– О Прове?

– Да. Говорил, что вот, мол, откуда у нас вся жизнь наперекосяк пошла. И что ему нужно все разъяснить. Потому что он сам не понимает. А вот чего он не понимал, я не помню. Возможно, он и не говорил ничего об этом. Но у меня такое впечатление, что он встретил кого-то в Курске, кто знал эту историю. Точно он от очевидца ее слышал. Хотя такого быть не могло. Ведь все в пятидесятые годы девятнадцатого века произошло. Почти сто лет уже тогда прошло. Вот, насколько я понимаю, он к этому человеку и ездил. А потом отца не стало.

– Но ведь прадедушка не на войне погиб? Раньше?

– Да, в тридцать девятом.

– Как? Я, честно сказать, и не знаю.

– Убили его, – тяжело, как будто невозможная нежелание говорить, ответила старушка, – в Курске. Темное дело. Так ничего и не выяснили. Он поехал туда в очередной раз что-то выяснять о Прове. Накануне отъезда веселый был. Шутил. Конфет мне обещал из города привезти. И все. Труп его нашли в овраге возле речки. Что он там делал – никто не мог сказать. Так все и оборвалось. Тогда, впрочем, мне эта история с Провом была совсем не интересна. Я почти о ней и забыла.

– Я тебе напомнил?

– Да нет, – баба Валя устало махнула рукой, – не ты. В последние годы я все чаще о нем думаю. Особенно, когда Танюшки моей не стало. Оглядываясь назад на всю нашу жизнь и думаю: ничего в ней хорошего не было. Ничего. Как выморочные мы. Есть люди – все у них в жилу. Из грязи поднимаются. Сколько я таких знала. Сначала гол, как сокол. А потом, смотришь, уже обзавелся квартирой, машиной, связями. В начальники выбился. Друзья у него кругом. Пустил корни. А мы все, как перекасти-поле. Ни копейки никто не сэкономил. Ничего не достиг. Как будто мимо рук у нас все просыпается. И мне кажется, что причина в том самом Прове. Точно проклял он всю семью нашу своим поступком...

Бабушка замолчала. Потом стряхнула с себя оцепенение и уже другим голосом захлопнула:

– Ладно, хватит о дурном. Ни к чему. Отжила я свое – вот и все. Не обращай внимания на мои разговоры. Давно все было. И тебя, внучек, оно никак не коснется.

– Коснется, еще как коснется. Уже, можно сказать, коснулось, – хотелось ответить Андрею.

Но он промолчал. Рассказывать бабушке Вале о своих видениях и странных происшествиях последних дней он не хотел ни за что.

– Не коснется, – настойчиво повторила старушка, как будто прочла его мысли, и вдруг добавила: – Если сам не будешь лезть в это дело.

– Ты о чем? – вздрогнул Андрей.

– Не надо тебе теревить прошлое, – пристально глядя на него, пояснила, почти приказала баба Валя. – Оставь его. Отца моего, видишь, до добра это не довело.

– Да я... – начал было Андрей.

– Оставь, – почти зло оборвала его старушка.

Страхи вновь вернулись к Андрею. От одной мысли о том, что умершая бабушка просила найти прапрапрадеда, его пробирал озноб. Разговор с бабой Валей тоже получился каким-то странным. Как будто она знала что-то о его видениях. Может быть, бабушка являлась и к ней? Вполне возможно.

Его же собственное положение казалось теперь Андрею совсем плачевным.

Однако в тот вечер ничего страшного не произошло. Он заснул, как только лег в кровать. Сказалась предыдущая бессонная ночь в поезде.

Глава 10

На следующее утро после завтрака они поехали на кладбище. Баба Валя, как показалось Андрею, была не очень довольна его желанием провести могилку бабушки.

– Погода меняется, того гляди дождь пойдет, – причитала она. – Ты бы отдыхал. А я бы сама как-нибудь туда наведалась. Я там часто бываю. Навещаю сестричку мою родненькую.

– Я могу сам съездить, – предложил Андрей.

Эти слова еще больше взволновали старушку. И у Андрея снова возникло подозрение, что после своей смерти бабушка приходила не только к нему. Иначе трудно было объяснить явное нежелание ее сестры пускать его на кладбище.

Видя решимость внука, баба Валя уступила и стала собираться. На базаре она долго препиралась с продавщицами, выбирая букетик. Ее привычка к экономии стоила Андрею немало нервов. Еще по пути на рынок он убеждал ее в том, что может себе позволить купить цветы без торга. Но старушка оставалась непреклонной.

– Нечего деньгами расшвыриваться, – констатировала она, – а то пробросаешься. Они в расчете на таких, как ты, и гнут цены. Обнаглели совсем. Спекулянты.

Уже в цветочных рядах он пытался заплатить названную продавщицей сумму. Но бабушка остановила его и накинулась на женщину с упреками. Она шла вдоль рядов, перебирая букетики, теребя их в руках и обвиняя несчастных цветочниц во всех смертных грехах. Сгорая от стыда, Андрей плелся сзади, проклиная свою несчастную жизнь. В конце концов они купили дешевенький букетик сухих, как будто прошлогодних гвоздик и направились к остановке.

Кладбищенский автобус был переполнен. В нем царил духота, как в бане. Андрей чувствовал, что ему становится нехорошо. Его сдавили так, что каждый вдох давался с трудом.

– Как будто заживо в могиле похоронен, – невольно подумалось ему.

Перед глазами поплыли радужные круги, а предательская тошнота вновь сдавила горло.

К счастью, поездка длилась недолго. Он вывалился из автобуса и несколько минут стоял, глубоко дыша, стараясь прийти в себя. Баба Валя суетилась возле него. Но Андрей, постаравшись улыбнуться, выдал из себя что-то вроде:

– Ничего, все нормально. Сейчас. Дай только отдышусь немного.

– Я вот так-то к Танюшке всякий раз езжу, – глядя на него глазами, в которых вновь блеснули слезы, закивала головой старушка. – Раз или два в месяц. Зимой реже. Холодно. Я к старости мерзнуть стала. Боюсь, что сама здесь где-нибудь свалюсь, не дойду. Людей зимой мало. Пока кто-нибудь меня найдет, поздно будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.